

И Р И Н А Р О С Т О В А

ДИРЕКТИВА 22

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Ростова

Директива 22

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54104037

SelfPub; 2020

Аннотация

Что скрывает благочестивая организация? Как заглянуть внутрь того, что не просвечивается даже на сканере? Как владеть телепатией и не сойти с ума, или все-таки сойти? Как не начать межгалактическую конфронтацию и сохранить статус-кво? Все совсем не то, чем кажется на первый взгляд. Берите кофе и вместе с главным героем погружайтесь в расследование дела под грифом «Угроза национальной безопасности», иначе говоря – под директивой 22. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Manic Monday	4
Глава 2. Believe / don't believe	38
Глава 3. Work Work	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1. Manic Monday

Если ты встаешь в шесть, чтобы успеть доехать на работу к девяти, то у каждого твоего буднего утра есть ритм, который задаешь вовсе не ты. И хорошо, если ты хотя бы в него вписываешься.

Если же ты работаешь как-то иначе, или не работаешь вообще, то у тебя еще есть какие-то шансы на самостоятельность – но по моему опыту, такой свободой мало кто распоряжается эффективно. Обычно все просто летит к чертам, начиная от расписания и заканчивая своевременной чисткой зубов. Не все наделены внутренней дисциплиной. У меня, например, с ней все ну очень фигово.

К тому моменту, когда за окном флаера показывается Управление, я обычно не только просыпаюсь, но уже и замечаю наличие каких-то мыслей в своей голове. Их, впрочем, приходится тщательно отслеживать и фильтровать: в моей семье имеет место быть четкая и яркая картина точечных психических расстройств. Она описывается категориями «редко, но метко», и заставляет всех живых членов семьи каждый раз под лупой изучать свои чудачества и странные идеи на предмет не «ку-ку» ли уже кукушечка, или ты просто странненький.

Впрочем, странненькие мы через одного, так что внутренней работы нам всем достается очень много. Про не-внут-

ренную работу и говорить нечего: семейное шило в жопе передается и множится точно так же, вместе с потенциалом оглушительного сумасшествия.

Чем еще, простите, можно объяснить мое ежедневное появление в Управлении в такой нечестиво ранний час, хотя я мог бы спокойно видеть десятый сон, или хотя бы девятый?

Я даже захожу в кофейню напротив и беру кофе для себя, Кинслеера и Дип: маленькое, ничего не значащее потакание своим и чужим слабостям. Бариста – я никак не могу запомнить его лицо, потому что я «девочка с Давоса», а он темнокожий – почему-то кажется мне очень довольным. У него шикарные псионические щиты, поэтому я не мог бы ощутить даже тени его эмоций, но мне как-то чудится, что у него выдалась хорошая смена. Или что-то в этом роде. Может, это хороший знак и для меня? Хотя, скорее наоборот. Несмотря на то, что на бейдже парня написано «Лангда», он такой же Лангда, как я, например, Маэр: я уверен на 140%, что он не человек, а маворс, а у них таких имен не бывает.

Как я отношусь к тому, что расовый враг наливает мне кофе? Да никак. Не плюет же он туда! А кофе он делает вкусный.

Я забираю стаканы и прощаюсь, и бариста вежливо и молча мне кивает – он не разговорчив, но его, видимо, расовые раздоры прошлого тоже не слишком волнуют. Собственно, его расположение распространяется даже настолько, что за последние полгода он пару-тройку раз даже приносил нам

кофе прямо в Управление по нашей просьбе, когда нам самим было некогда и влом.

И вот он я, Иль-мать-его-Гиллернхорн, вплываю в приемную с самым деловым выражением на роже и кофе в руках. И приветствуют меня тут как божество: возгласами «о, божэ, опять он».

Я много, много работал, чтобы достичь такого отношения, но вот – сбылось.

– Хелло, – машу я всем свободной рукой, чтобы меня увидели даже те, кто не заметил с первого раза. – Я слышал, вчера кто-то лихо бомбанул «Банк Легатов»?

– А я слышал, что ты наш внештатный консультант, а не босс, – ответил, проходя мимо, Кинслеер. И даже прихлопнул меня по голове стопкой бумаг, просто потому что мог. Впрочем, у нас примерно такие отношения. Легкие и непринужденные. С учетом того, какие мы оба простые и обычные люди, это нехило всех пугает (тут табличка «сарказм», конечно).

– Это слухи, не имеющие под собой основания, – отмахиваюсь я. – Так что с Легатами?

– Это слухи, не имеющие под собой основания, красавчик, – хмыкнула, поворачивая ко мне экран своего терминала, Дип. – Это не только с Легатами, просто только с ними всплыло.

– Погоди-ка, – я ставлю на ее стол принесенные стаканы с кофе и бегло просматриваю сводку операций, которую она

мне показала. – Разве это не топ-десять Самых Надежных Банков Альянса, а?

– Именно, – кивнула она. – Как ты понимаешь, это директива 22, и все радостно на ушах стоят.

– Что-то я не вижу, чтобы Кинслеер на ушах стоял.

– Он удовлетворился тем, что надавал по твоим.

– Не достал, – хмыкаю я.

– Да это ты Кина не знаешь, – отмахнулась Дип, откидываясь на кресле. Вот уж кто красотка – так это она, так что я понимаю Кинслеера, если слухи правдивы, и эти двое в самом деле тайком встречаются. Она, правда, на добрую голову выше, и его перекошенная рожа должна упираться куда-то ей в возмутительно ошеломительный бюст, ну так оно и интересней. – Он хмурится, делает строгое лицо и тыкает всех работать. Но переживать за чужие деньги он точно не станет.

Это верно подмечено. Кин вообще мало о чем переживает, да и я, впрочем, тоже не из тех, кто психует зазря – у меня слишком много более стоящих поводов для волнений.

Хотя, можно сказать, я и их не особенно стремлюсь реализовать.

– Какие планы? – спрашиваю я после того, как вернувшийся Кинслеер задумчиво остановился рядом и присосался к своему кофе.

– Стоять на ушах, – сказал он, живописно кривясь. – Сейчас кто-нибудь подготовит нетактичный пресс-релиз, который мы сдадим в Управление Общественных связей, и там

его сделают тактичным, а мы, тем временем, спокойно займемся расследованием. Это дело проходит по директиве 22, поэтому расхлебывать нам.

– Ситуации и обстоятельства, создающие либо способствующие созданию угрозы, – издевательски цитирую я, – национальной безопасности Альянса, понимаемой как совокупность государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной, энергетической безопасности и безопасности личности, рассматриваются как особо опасные деяния и подлежат пресечению всеми доступными и соответствующими уровню угрозы способами, находящимися в распоряжении Министерства безопасности и Министерства Вооруженных Сил.

– Ясен пень, – вздохнула Дип. – Ты не задохнулся от такой важности?

– Нет, я крепкий и делаю дыхательную гимнастику по расписанию. Нам удалось что-то отследить? Куда ушли деньги, откуда произошел взлом?

– Сам догадаешься?

– Деньги ушли из Альянса куда-нибудь, где мы их хрен найдем, – предполагаю я достаточно уверенно. – Взлом происходил с анонимного адреса, который мы найдем тоже хрен.

– Точно, – похвалила Дип. – Возьми вот, кофе выпей.

– Я уже.

– Тогда нечем наградить.

– Конкретика то есть?

– Ну, такая, – Кин пожал плечами. – Путь денег маскировали, конечно, но без таких уж изысков – видимо, просто чтобы сразу не поймали, выигрывали время. И в конечном итоге весь немалый куш перевели на счет благотворительно-го фонда в Созвездии. Поскольку из всех иностранных счетов в Альянсе прямые проводки без особых проверок можно делать только на благотворительные цели, это один из немногих верных способов увести бабло так, чтобы мы не могли изъять обратно. И мы никогда, никогда не узнаем, куда там оно делось дальше. Если, конечно, у нас нет прикупа в Созвездии, и мы не можем узнать, чей там этот фонд и что там с этим баблом.

Кин и Дип оба, не сговариваясь, посмотрели на меня. Я ответил им саркастичным взглядом поверх стакана.

– Что вы имеете ввиду? – уточняю я.

– Прикуп, красавчик, – махнула ресницами Дип.

– Я уже принес вам кофе, – пожимаю плечами я, делая вид, что я тут вообще ни при чем. – Чем не прикуп?

– В Созвездии не так уж любят этот ваш кофе, – хмыкнул Кинслеер. – Зато я точно знаю, что там просто культ Тира, которого ты имел честь спасти. Не так уж давно.

– «Не так уж давно» было почти десять лет назад, – я тоже умею качественно кривиться. Но уговаривать меня не надо – я и так знаю, что пойду и суну свой нос, просто потому, что мне интересно узнать, что за ловкий, хитрый и бессовестно везучий сукин сын завелся в нашем курятнике. Потому что

я тоже – ловкий, хитрый и бессовестно везучий сукин сын и терпеть не могу конкуренции. – Но я постараюсь что-нибудь выяснить.

– Отлично, – Кинслеер хлопнул меня по плечу своей маленькой и ужасно тяжелой рукой, после чего повернулся к Дип. – Возьми кого там тебе надо и попробуй все-таки отследить, как это все происходило. Я понимаю, что исходные адреса все анонимные, но само движение процесса? Не всех же сразу дернули. Было ли это прямой атакой, или, может, там давно что-то такое спало.

– Есть, шеф, – отрапортовала Дип, поворачивая терминал к себе обратно и оставляя меня задумчиво допивать кофе, глядя в стенку.

Итак, Созвездие.

Я там, собственно, никогда не был.

Но Кин прав – создатель и созидатель этой молодой державы, действительно, мягко говоря, задолжал мне одну услугу, как сказали бы в каком-нибудь нуарном детективе. Для нуара мне не хватает мрачности, шляпы и темных видов ночного города, но без всего этого я, пожалуй, обойдусь, поэтому просто звоню в посольство – без изысков. Нахожу их официальный номер терминала, набираю вызов и жду, как все обычные контактеры.

Пожалуй, они запросто промариновали бы по инстанции Дип. Они, скорее всего, сделали бы тоже самое с Кином, потому что Кин может обладать особым статусом в Альянсе

и особенно на Тайрене, но не в Созвездии. Но я все-таки я: и никто не подумал сказать мне «нет», когда я попросил о встрече с посланцем. Еще и спасибо сказали бы, мне кажется, что я не запросил связь по межпространству с самим Тиром, подняв его из теплой постельки.

Возможно, из «очередной теплой постельки», но это уже дело не мое – надеюсь, в следующий раз спасти его от последствий запоздалых романтических приключений буду уже не я.

– Посол согласился встретиться со мной через час, – сообщая я в пространство результат своих переговоров.

– Ты знаешь, что делать, – отмахнулся Кин, не поднимая глаз от терминала.

– Что, даже не поедете меня контролировать? – ехидно уточняю я.

– И выставить себя в очередной раз дураком? – хмыкнул Кин, все-таки удостаивая меня короткого взгляда.

Я хмыкаю ему в тон. Мы понимаем друг друга прекрасно: стоит мне вмешаться в допрос или иное дознание, для Кина все идет наперекосяк, в частности, потому, что я все делаю по-своему, и меня мало волнуют процедуральные тонкости. А показывать свою неспособность приструнить внештатного консультанта никому не хочется.

– Кроме того, ты с ним договаривался встретиться как частное лицо. Вот и вали туда как частная морда.

– Какое грустное недоразумение, – автоматически шучу

я. – Договариваться о встрече с частным лицом, а встретиться с частной мордой.

– Разочаровывай его сам, в общем, – отмахнулся Кинслер. – Иль, вот честно, дай спокойно поработать. Вали и оттачивай свой острый язык на после.

Я вежливо проглатываю пару новых колкостей и почитаю за благо действительно свалить, тем более, что кофе уже кончился.

Впрочем, вдохновленный важностью миссии и опасаясь уделаться, пока еду до посольства, я даже не беру себе еще один стакан по дороге, хотя с оттенком тоски и гляжу в сторону знакомого кафе.

Хотя, может, я произвел бы более мощное впечатление на посла, если бы прибыл украшенный влажными коричневыми разводами? Хотя вряд ли. Я и так впечатляющ донельзя – это тоже семейное. Все мужчины моей семьи похожи, как очень качественные и хорошо упакованные горошины из одного высококлассного стручка.

Визит в посольство, за неимением лучших терминов, прошел удовлетворительно: что означает, что я успешно попрактиковался в запугивании, острословии и прочих высоко ценимых мной дисциплинах.

– К сожалению, я не до конца понял, чем обязан визитом, – вкрадчиво сказал посол, когда я объявился в его кабинете в назначенное время.

– Стечению обстоятельств, – радую его я и тут же огор-

чаю. – Которые вполне могут привести к разрыву дипломатических отношений между Альянсом и Созвездием, если что-то пойдет не так. Мы рассматриваем ситуацию, как попадающую под директиву 22.

Посол, конечно, тертый калач, и его такими пробросами не запугаешь, но за спокойным и насмешливым фасадом я прекрасно ощущаю его напряжение, даже не включая свой псионический усилитель.

– Я весьма сомневаюсь, что настолько серьезные пертурбации, чтобы привести к подобному, могли пройти мимо меня. Кроме того, такое развитие событий было бы крайне невыгодно Альянсу, в том числе.

– Соглашусь с последним пунктом, – важно киваю я. – Но, тем не менее... смотрели ли Вы сегодня новости, господин посол?

– Конечно же, Гиллернхорн.

Я немного щурюсь, невольно выражая одобрение знанием послом тонкостей альварского этикета.

Когда мы говорим – человек, мы подразумеваем все человеческие расы без разбора. Черных, белых и все остальные цвета спектра, с особенностями, возникшими при колонизации других планет.

Когда кто-то говорит – эльфы, он имеет ввиду всех детей эльдар, той самой древней расы, которая оставила свой след в легендах многих народов. Но любой «эльф» будет вещать вам хоть час, хоть два о том, что он – не эльф, а, конкретно,

фейри, сидхе или альвар, потому что мы все глубоко убеждены, что мы вообще совсем полностью разные, и спутать нас никак нельзя (хотя можно, но это понимание приходит с должным развитием космополитизма и пофигизма). Вот для нас, альваров, с нашей системой личных прозвищ, получаемых за особые достижения и успехи, очень важно, чтобы нас называли по личному прозвищу, и без иного титулования. Для друзей я – Иль, для всех остальных – Гиллернхорн. А вот если меня называют по фамилии – это уже, если подумать, так и полноценное оскорбление. Его можно сделать меньше, показав свою неосведомленность, если добавить какое-никакое титулование, но это уже лирика. Я обычно не ожидаю, конечно, от людей или других рас знания этих нюансов, но приятно сознавать, что дипломатических работников нынче все ж таки чему-то учат.

– Я думаю, Вы отметили главную новость дня?

– Атаку на «Банк Легатов»? – безошибочно определил посол. Что же, он, видимо, неглуп. С ним можно иметь дело.

– Именно, господин посол, – подтверждаю я с важным кивком. – И так оказалось, что украденные деньги были переведены на счет благотворительной организации «Дети науки». Я полагаю, это название Вам знакомо?

Он немного нахмурился – тонкая складка возникла между бровями, и больше ничего, но я все равно замечаю.

– Вы уверены?

– Этот факт установлен Управлением Быстрых Решений.

Буквально только что, поэтому я здесь, так сказать, для предварительного и неофициального разговора, – говорю я со значением. – Я думаю, Вы понимаете, насколько Альянс не заинтересован в скандале, и насколько не заинтересовано в этом Созвездие. А дипломатический резонанс неизбежен, если все мы не начнем работать в дружном согласии для установления личностей преступников и возвращения денег законным владельцам.

Посол хмурится сильнее – я вижу тени мыслей, пробегающие по его лицу.

– «Дети науки» управляется частными лицами. У нас нет контроля над их счетами, так как они пользуются льготами, предоставляемыми для всех благотворительных организаций Альянсом и Созвездием. Мы не можем просто взять и вернуть деньги, как Вы понимаете. Даже если Вы предоставите доказательства их происхождения.

– Доказательства есть, – уверенно говорю я, глядя на него пристальным нервирующим взглядом. – Расследование кражи ведется, и виновные будут наказаны. Однако, движение украденных денег бросает, так сказать, тень подозрения на все Созвездие.

– Конечно же, Вы не можете намекать на то, что власти Созвездия в какой-либо мере причастны к этому вопиющему и наглому преступлению?

– Я так не думаю, – отвечаю я, улыбаясь вежливо и ехидно. – Однако, мы уже работаем по этому делу под грифом

угрозы национальной безопасности, и, кроме того, Вы же понимаете, что спекуляции политиков могут зайти очень и очень далеко. Далекое не все в Совете Альянса довольны сближением наших стран. Поэтому критически важно предотвратить возможные последствия.

– Вероятно, стоило бы сделать совместное официальное заявление, опередив журналистов, – предположил посол.

– Возможно, – милостиво соглашаюсь я. – Вам стоит обратиться к руководителю Управления Быстрых Решений Аджантису Кинслееру с соответствующим запросом.

Посол несколько долгих секунд о чем-то поразмышлял, но потом все-таки сказал:

– О господине Кинслеере ходят самые разные слухи. Можем ли мы, Созвездие, в должной мере положиться на его здравый смысл?

– Какие бы слухи не ходили, – спокойно отвечаю я, делая вид, что не понимаю, о чем это он. – Но Кинслеер – один из самых рассудительных людей из всех, известных мне. При этом, если позволите, – я мягко усмехаюсь. – Тир – один из самых вздорных и нелогичных.

Посол некоторое время разрывался между правдой, преданностью и этикетом, и в итоге этикет победил – он промолчал, сделав вид, что не расслышал. Bravo!

– Что же, видимо, мы будем вынуждены обратиться к господину Кинслееру.

– Я, со своей стороны, буду рад предварительно перегово-

ритель с ним относительно Вашей просьбы, – делаю я вид, что это огромное одолжение с моей стороны.

Посол в ответ сделал вид, что благодарен, хоть посмотрел на меня почти укоризненно, потому что я практически вынуждаю его, но мне плевать.

– Благодарю, Гиллернхорн. Что касается других вопросов...

– Я хотел бы знать, кто владеет «Детьми науки», – говорю я. – А также получить содействие ваших сотрудников и правоохранительных органов Созвездия в расследовании, для выяснения возможных деталей. Кроме того, я просил бы Вас позаботиться о том, чтобы счета фонда были заблокированы, чтобы предотвратить уход принадлежащих гражданам Альянса денег в никуда.

– Вы получите наше содействие, – подтвердил посол без особой охоты. – Мы заинтересованы в том, чтобы тень этого преступления не оказалась брошена на Созвездие. Мы ни в коем случае не способствуем отмыванию преступных доходов, и не хотели бы ассоциироваться с подобными практиками в глазах официальных лиц и граждан Альянса.

Я благодарю его и удаляюсь, и еще в пути обратно до Управления получаю сообщение с именами владельцев «Детей науки» и общими регистрационными сведениями о них и их фонде.

Приехав, я с надеждой оглядываюсь на кофейню, но «наш» бариста, видимо, уже закончил смену, а я не хочу рис-

ковать, получив невкусный кофе.

– На щите или со щитом? – осведомился Кин, как только увидел меня, и добавил. – Как минимум без кофе. Без чего еще?

Такие странные фразеологизмы родом из прошлых эпох немного выдают тот факт, что выглядящий примерно моим ровесником Кин на самом деле значительно старше. Насколько? Я могу аппроксимировать, но эта цифра звучит зловеще, и в официальных документах стоит совсем другая дата: по ней Кин ровесник вхождения Тайрены в состав Альянса. Вернее, день в день ровесник – день его рождения в этих бумагах совпадает с днем заключения договора.

Самое смешное тут то, что согласно внутренним документам Министерства безопасности, Кин был через два года после этого принят в штат, что как бы намекает, на то, что либо он был классным офицером-безопасником в подгузниках, либо дата его рождения врет.

Впрочем, мысль о малыше-Кине в цветном комбинезончике, с соской и плазменным ружьем в пухлых ручках греет мне сердце.

– Без сисек, – предполагаю версию я.

– Бинго, – резюмировал Кин.

– Я знаю, я! – подскочила на месте Дип, впрочем, продолжая что-то судорожно печатать на терминале. – Без совести!

– Десять баллов Дипике, – похвалил ее Кин, а я, хихикая, перемещаюсь к общему терминалу, который по попуститель-

ству властей постепенно становится моим.

– Спасибо, что не «без мозгов».

– Мозги-то у тебя есть, это совести у тебя нету, – отозвалась девушка. – Так какие успехи?

– О каких успехах может идти речь, помилуйте, – отмахиваюсь я. – От меня же толку, как от козла молока.

– Ну так по капле можно, гм, нацедить, – оскалился Кинслер.

Дип рискнула кинуть на него возмущенный взгляд, но я чувствую, что ей ужасно смешно.

– Цеди. Но лучше бы это делала Дип, – нагло предлагаю я, и в меня все-таки полетело пресс-папье в виде бородатой рыбы, которой Дип обычно прищипливает грудь распечатанных официальных запросов.

Я ловлю снаряд в воздухе, обволакивая его псионической энергией и отправляю назад по той же траектории, пока рыба не оказывается лицом к лицу с Дип.

– Вы потеряли, – с пафосом сообщаю ей я.

Дипика изобразила максимально серьезное лицо и забрала ее из воздуха.

– Благодарю.

– Что Вы, что Вы, – отмахиваюсь я.

– Ты уже достаточно развлекся? – заботливо уточнил Кин, когда я замолкаю.

– Спасибо, да. У нас есть регистрационные данные этого фонда и сведения о его владельцах. Ну и устное согласие

посла оказывать нам содействие. Он также хочет совместное заявление о том, что Созвездие тут не при чем, и они нам помогают.

– Шикарно, – Кин уселся в кресло рядом со мной. – Давай эти свои данные. Ай, Гиллернхорн, даже не открывай рот. Я знаю, что они не твои, а фонда.

– Ну вот, – деланно расстраиваюсь я, перекидывая полученную информацию на терминал. – Уже и слова не скажи. Тиран вы, господин Кинслеер.

– Так, – Кин оперся на ручку моего кресла, перевешиваясь через меня и близоруко утыкаясь почти в самый монитор. – Кирс-ло-Лланнренн, Джонатан Хастингс, Элснер Горун. Элснер – женское имя?

– Да, причем маворское, – морщю нос я. – «Кирсло» – сидхе.

– Звучит, как ругательство.

– И не только звучит, – соглашаюсь я и тыкаю пальцем в экран терминала. – Пометку видишь? Личный друг Тира.

– Просто чудесно, – нехорошо обрадовался Кин. – Только этого говна нам не хватало.

– А мы вообще рассматриваем вариант, при котором фонд ни при чем, их просто использовали для вывода денег?

– Мы все варианты рассматриваем. Но чем больше мы рассматриваем, тем больше некоторые нам не нравятся.

– Ничего удивительного, – ворчу я.

– Однако, – над нами, взглядываясь вместе с нами в экран,

нависла Дип. – С учетом того, что мы не можем достать деньги из Созвездия без помощи Созвездия, это была прекрасная идея. Но если деньги еще на счете Фонда, то, как бы, рыльце в пушку. Или их пытались подставить, но я не могу себе представить, кому это могло быть нужно.

– А, может, наш хакер просто хочет счастливого будущего для детей Созвездия, и украл деньги для них. Такой благородный разбойник, – предполагаю я, скашивая глаза в вырез рубашки Дип, который оказался чересчур близко. Кин тут же засек это и показал мне кулак. Я послушно перевожу взгляд на его руку, потому что в сотый раз смотреть на профайлы лидеров фонда на экране не собирался. Главные вещи я уже понял, а в деталях поколупаюсь попозже.

– Угу, и работает он, наверное, учителем программирования в школе, – без энтузиазма согласилась девушка. – У нас, таким образом, два направления проверок. Во-первых, нам надо понять, не замешаны ли «Дети науки» в краже денег сами, это раз. Во-вторых, надо продолжать распутывать сам способ кражи. Конечно, во всех банках и свои расследования ведут, и из Управления кибербезопасности туда наслали людей, но нам тоже не стоит складывать лапки и ждать, пока принесут результаты. Хакеров и суперпрограммистов среди нас нет, это не наш профиль, но, может, мы можем что-то выцепить на своем уровне.

– Все, в общем, при деле. Всем нашлось занятие, – проворчал Кин.

– А какие вообще правила с этими счетами благотворительными? – спрашиваю я, поскольку никогда с ними не сталкивался, ни в какой роли.

– Ну, по соглашению, благотворительные фонды могут иметь алиас счета в одном из местных банков, на который можно перевести деньги, как на внутренний, по простым реквизитам и без комиссий и все такое. При этом поступившие средства через систему межбанковских переводов сразу передаются на основной счет за рубеж. Это сделано для того, чтобы освободить, э, добрые дела от финансовых и бюрократических нагрузок.

– Пастбище для криминала, – фыркаю я.

– Ты просто злой, – укорила меня Дип и, наконец, выпрямилась и отодвинулась, видимо, прочитав с экрана все, что собиралась.

– Я тоже считаю, что этим провоцируются финансовые махинации, – пожал плечами Кин, становясь на мою сторону.

– Ты тоже злой, – отвесила и ему Дип, но при этом она улыбалась. Видимо, против злобы Кина она не имела ничего против.

– Практически дипломировано злой, – с гордостью подтвердил Кин.

– Вообще-то, все супер-крупные переводы должны одобряться вручную. Но наш хакер хитрее этого, конечно же. Он разбил все суммы на не-одобряемые части и ссыпал их на этот счет с паузами, достаточными для того, чтобы скрипты

безопасности не среагировали.

– Хитрый хрен, – прокомментировал Кин.

– И хорошо осведомленный, – я задумчиво чешу шрам на щеке. – То есть, получается, все переводы прошли автоматически, без какого-либо участия операторов.

– Почти, – Дип снова перегнулась вперед, обдавая меня сладким запахом ванильных духов, и вызвала файл со своего терминала на экран. – Вот, смотрите. Тут вообще очень интересная схема: вот это наши ограбленные банки, из них деньги уходят одним переводом резко и фьють, и уже на первой инстанции рассыпаются на мелкие суммы, которые отслеживать – весело, но муторно. Сейчас, собственно, за каждым кредом бегают и ищут, как что шло.

– А как мы поняли, что в итоге все ушло именно в Со-звездие?

– По общей сумме. Она совпадает. Но, вообще-то, поймали по активности –совокупному объему переводов.

– То есть, это могли быть и не те же самые деньги, – делаю рискованное предложение я.

– Ну, щас, и откуда, простите, столько бабла еще могло было взяться? Вот так с куста по щелчку? Это пять миллиардов кредитов, Иль. Пять, мать его, миллиардов, это бюджет какой-нибудь чахлой планетки за год!

Я не убежден.

Я видел исчезновение в никуда и больших сумм. И их возникновение из ниоткуда, как по мановению фокусника, у ка-

ких-нибудь зажавшихся олигархов.

– Будет смешно, если это в самом деле другие деньги, а искомая сумма канула куда-то между пунктами А и Б.

– Оставим эту проверку на совести кибербезопасности, – отмахнулась Дип. – Вот тут, перед пунктом “Б”, есть тоже цепочка банков, которые совершали финальные операции. Их больше, как ты понимаешь, намного больше, чем исходно «бомбанутых». И вот тут есть некий банк «Фаради», где вполне легитимный на первый взгляд перевод на легитимную сумму сначала заблокировали, а потом одобрили. Хотелось бы знать, что там случилось.

– Слабая зацепка, – сетую я. – То есть, конечно, проверим, но... может лучше озадачиться вопросом все-таки проверки всего пути, и выяснить, что за счета, через которые проходили все эти операции? Не анонимные же они. Если они были взломаны, то кем, если они чьи-то, что чьи?

– Я понимаю твоё желание сидеть на попе ровно, – сказал Кин. – Но я собираюсь проверить «Фаради». Ты со мной?

Я мысленно оцениваю ситуацию еще раз и киваю.

– Ладно. Все равно сейчас яйцо не высидим.

– Приличные мужики яйца не высиживают, – ввернула Дип. – Они их с гордостью носят!

На этот раз неприличный жест мы показали ей оба и разом, но она только захохотала в ответ.

И мы таки изображаем приличных мужиков – с гордостью несем обозначенные части тела на дальнейшее задание.

– Во всем этом деле есть что-то непередаваемо дурацкое, – делюсь своими ощущениями я, пока мы едем во фляере с автопилотом до банка «Фаради». Ехать далеко – это от нас край географии, но недостаточно крайний, чтобы прибегать к скоростному транспорту.

– Во всех преступлениях есть что-то непередаваемо дурацкое, – пожал плечами Кин. Он повертел в руках электронную сигарету, но зажигать не стал. Сигарета обычно помогает ему чувствовать себя лучше во фляере, который он переносит плохо. Кроме того, без сигареты образ крутого и загадочного детектива не складывается. Впрочем, у Кина такой экзотичный вид, что за детектива он не сойдет даже с сигаретой. Хорошо, что по новостным репортажам о работе Управления его знает почти каждая собака, иначе замаялись бы каждый раз доказывать, что этот пацан с кудрями, щеголеватыми усами и в желтом пиджаке с блестящей нитью – взрослый дядя и руководитель важной государственной конторы.

– Да кури ты уже, – разрешаю ему я, и Кин, прикурив, некоторое время молча пялился в пространство.

Стариковская, немодная, несколько неприличная привычка – но Кин, кажется, не в силах от нее полностью отказаться, хоть и стесняется курить при большинстве знакомых. И особенно – при Дипике.

– Ну, и что тебе не нравится, Мистер Тонко Чувствующая Задница?

– Нет, я Мистер Тонко Чувствующий Задницу, ты путаешь, – не соглашаюсь я. – Я, в общем-то, просто не понимаю, зачем и почему кража была именно такой. Я думаю, если бы наш крутой и хитрый кулхацкер захотел, мы бы ни за что не поняли, что деньги вообще куда-то слились. Это обнаружилось бы слишком поздно. Но нет – такой резонанс, куча самых крутых банков, все просто как фейерверк. Ну, как будто это специально было так сделано.

– Может, он просто любитель театральных эффектов? – предположил Кин, отряхивая невидимую пылинку со своего невероятного пиджака.

– Прямо как ты?

– Нет, я не тяну. Я люблю только театральные костюмы, – пояснил он. – Но, Иль, может он и не так умен. Или очень хотел, чтобы все видели, что он сделал. Такая, знаешь, жажда признания. Он заставил в истерике бегать кучу людей – чем не достижение?

– Не знаю. Мне все равно это кажется каким-то слишком вычурным. Слово он не деньги пытался стащить, а что-то сказать. Но, как бы, заявления то не последовало, если это такой... финансовый терроризм.

– Или он считает, что все сказал своими действиями, – Кин нахмурился и отвернулся в окно.

– Вот только что.

– Понятия не имею. Но мы узнаем, конечно же. У нас не так много было неудачных дел, а с тех пор, как нам добавили

одного скупающего консультанта, так и вовсе стали отличники.

Моя очередь хмуриться.

– Рассуждая логически, о чем это все может быть, кроме как о попытке свистнуть пять сраных ярдов кредов?

– Политическое заявление, – лениво предположил Кин. – Месть?

– Кому, Альянсу?

– Или кому-то, чьи это деньги? Владельцам банков, может быть?

– Их что-то может связывать?

– Банковских бонз ВСЕГДА что-то связывает, – фыркнул Кин. – Но давай проверим простые вещи.

Следующие полчаса мы колупались в мобильных терминалах, рыская насчет информации о владельцах банков, но достаточно безрезультатно. Конечно, часть из них была вместе там и сям, и может, там есть какой-то заговор или сговор, но это явно лежит под основным пластом информации.

– Думаешь, стоит поговорить с ними? Со всеми.

– Мы запаримся их допрашивать, особенно с учетом того, что они наверняка будут врать.

– Мы можем допрашивать их так, что я буду наблюдать, – предлагаю я. Псионическое вмешательство в этой ситуации незаконно, и, скорее всего, те из них, кто не телепат, таскают с собой мобильный живой щит в лице достаточно ушлого псионика, но мне уже лет семь как такие вещи мешают не

очень.

– Я подкину проверку финансистам, может, найдут какой-нибудь сговор, анализируя финансовые показатели. И, если упрямся, будем допрашивать всех поголовно.

– Кто поднял тревогу-то? Первым.

Кин открыл материалы дела, полистал туда и сюда, выругался вполголоса, отправил мне доступ к ним.

– Сам ищи, – любезно предложил он. – Меня от экрана уже тошнит.

– «Кушайте сами», – ехидничаю я, зарываясь в предоставленные мне файлы.

Впрочем, ничего интересного: тревогу поднял один из крупных клиентов «Банка Легатов», который обнаружил оскудение своего счета – не прошел зарплатный платеж.

Я поизучал этих «Соджорн» с лупой и микроскопом, но они не показались подозрительными ни мне, ни моей «тонко чувствующей заднице». Проще говоря, интуиция молчит намертво.

– «Соджорн» поднял тревогу. Кто-то их проверяет, кстати?

– Наверное, – отозвался Кин. Он закрыл глаза, откинулся на сиденье и даже рукой прикрыл лицо, видимо, ему в самом деле было не очень. Я мельком думаю предложить ему помощь псионика, чтобы облегчить тошноту, но передумываю.

Пусть страдает, это полезно.

Вместо этого я отправляю Дип сообщение про «Сод-

жорн», и она прислала мне в ответ блюющий смайлик.

«Это портрет твоего любимого шефа сейчас», – радостно отвечаю ей я.

«Пруфы» – тут же пришло в ответ.

Я, не слишком шифруюсь, фотографирую притихшего Кина на комм и отправляю ей.

«Бедняжечка. Купи ему воды с лимоном на обратную дорогу», – посоветовала она.

«Вы с ним все-таки встречаетесь или нет?»

«Это было бы неприемлемо».

«Это было "да"»?

«Не передергивай».

«Проверь соджорн».

Блюющий смайлик снова.

Вот и поговорили.

В итоге, мы прибыли в «Фаради» часа за два до закрытия. Даже его центральный офис был достаточно маленьким, показывая, что организация не слишком большая – чей-то побочный бизнес, не иначе. Возможно, кто-то привлекал средства для своей игры на бирже?.. Я делаю мысленную заметку для себя о том, чтобы проверить, если результаты расследования здесь меня не удовлетворят.

Кин сразу продемонстрировал свои документы, и нас пропустили к директору, хоть я и получаю пару странных взглядов. Хотя это не я тут одет в желтый пиджак! Может, они не любят драные джинсы, или, может у них предубеждение

против парней с длинными волосами?

А вот их директору, молодому хрену в модном костюме за хреннелион денег, кажется, было совершенно плевать на то, как мы выглядим, и, кажется, он даже настроен сотрудничать, потому что тут же, даже не поздоровавшись, вызвал того самого бухгалтера, который не хотел пропускать перевод, и только потом поприветствовал нас.

– Господин Кинслеер. Господин Гиллернхорн.

Вот! Это то, о чем я говорил. Это не оскорбление, а незнание, но он, может, и не имел дело с альварами никогда – такие скорбные жизненные пути тоже иногда случаются.

– Я очень сожалею, что наш банк оказался участником такого постыдного происшествия, и я готов оказать вам всяческое содействие. Надеюсь, это поможет вам убедиться в нашей честности и заботе о репутации.

– Ваш банк – единственный, где хоть что-то заподозрили, поэтому у нас нет к Вам претензий, – успокоил его Кин. – И мы ценим вашу помощь.

– Мы уже предоставили все запрошенные финансовые документы Управлению финансовых преступлений.

– Их там обязательно тщательно проверят, – зубасто улыбнувшись, обещаю я просто для того, чтобы ощутить идущую от него волну тревоги. Я почти уверен, что в его отчетах зарыты какие-то махинации, но, кажется, конкретно к сегодняшней проблеме это не имеет отношения. Просто мелкие грешки, за которые директорский хлыщ ну очень пережива-

ет, но надеется, что все проскочит.

После заминки дверь кабинета приоткрылась в дверь проскользнул маленький, дрожащий и очень, очень испуганный человек. Он даже руки к груди прижимал, словно боялся, что его станут бить.

– Г-господа, – проблеял он. Интересно, он нас так боится или своего шефа? Сдается мне, мы далеко не такие пугающие.

– Проходите, Дональдс, – пригласил его директор с едва заметной заминкой перед фамилией. Видимо, сотрудника он на самом деле не знал по фамилии, но специально ради нас выучил, как его зовут. Может, даже личное дело из кадров затребовал, вот такой весь ответственный котенок. Можно сказать, отец и мать в одном лице. Или отец и мат, не знаю.

Дональдс тем временем испуганно зашел и присел на самый краешек роскошного стула на нашей стороне стола, достаточно близко ко мне, чтобы я мог считывать его даже без особых усилий. Я не вижу причин сдерживаться: его эмоции и мысли буквально вытекали из пор, мне даже не надо нигде рыться. Мужик был перепуган так, что вполне мог бы и наложить в портки, но я так и не понимаю, где же источник его великого страха.

Придется задавать вопросы, и делать это правильно: а, значит, нужно обойти на повороте Кинслеера, так что я поворачиваюсь к Дональдсу и проникновенно говорю:

– Господин Дональдс, меня зовут Иль Гиллернхорн, и я

внештатный советник Управления Быстрых Решений. Вам не стоит переживать, вы не под следствием и не под подозрением, мы просто хотим прояснить некоторые моменты, и будем очень благодарны Вам за помощь.

Дональдс с трудом перевел взгляд на меня, но покосился на своего шефа, обливаясь потом.

– Я, к-конечно, г-готов ответить на ваши в-вопросы, г-господа, – выдавил он с трудом.

Несмотря на свою очевидную панику, он все еще не кажется мне подозрительным, но нам нужны ответы, поэтому я осторожно активирую имплант и мягко транслирую в его сторону седативные волны.

– Отлично, господин Дональдс, – киваю я прежде, чем Кин успевает открыть рот. – Подскажите, пожалуйста, почему Вам показался подозрительным тот перевод?

– П-понимаете, я, – он сглотнул, и тощий кадык дернулся туда-сюда. – М-мне п-показался ст-транным этот с-счет, а не этот п-перевод. Я не п-помнил такого счета! А я п-помню все счета.

Похоже, правда. Конечно, странновато для бухгалтера помнить все счета, но чего только не бывает, может, у него чип памяти стоит? Полезная штука, только дорогая. И несколько вредноватая.

– Господин Дональдс, у Вас установлен чип памяти или просто хорошая память от природы?

Быстрый взгляд на босса, потом снова на меня, и острый

приступ плохо скрытой паники. Что-то тут есть.

Конечно, я готов вцепиться в это, как бульдог.

– Я п-просто п-помню, г-господин Г-гилерн-х-х-х..., – и его замкнуло на этом “х” намертво, как хрень. Он продолжал беспомощно выхрипывать одну эту букву, не в силах продолжить.

– Давайте Вы будете называть меня по имени? – вежливо предлагаю я со стоическим терпением. Мое имя может произнести даже конченый заика, по крайней мере, сокращенную версию. – Меня зовут Иль, а Вас, мистер Дональдс?

– С-стив.

– Очень приятно, – даже почти не изгаляясь, говорю я. На самом-то деле, информация мне важней подколок. – Так вот, Стив, вы просто помните вообще все счета, которые есть в банке?

Тот бросил еще один взгляд на босса и кивнул.

– Это потому, что у вас хорошая память, или потому, что вы работаете с малым количеством счетов? – задаю наводящий вопрос я.

– Мы работаем с элитными клиентами, – тут же встрял директор. – Поэтому у нас достаточно селективная выборка, и счета вполне можно запомнить.

«Прачечная», отсутствующе думаю я. Нет, вряд ли. Они изо всех сил оттягивали бы передачу нам данных, если так. Тут что-то другое.

– Понятно, – киваю я. – Итак, счет показался Вам незна-

комым. И Вы отменили операцию.

– Д-да, – с оттенком облегчения ответил мне Стив, даже не мигнув в сторону директора. Видимо, то, что он считает самым скользким участком, мы успешно миновали.

– Но потом вы, все-таки, подтвердили платеж?

– Д-да, – повторил он.

– Почему же?

– Я п-потом п-посмотрел счет. У него б-была с-старая д-дата с-создания, но никаких операций. Я п-подумал, что он п-просто не исп-пользовался, и р-решил, что

н-надо п-пропустить. Я п-позвонил владельцу, чтобы п-подтвердить, и он п-подтвердил.

– У Вас остались контакты? – тут же встрепенулся Кинслер, почуяв добычу. До того он сидел тихо, видимо, не желая в очередной раз становится побочной мишенью моих издевательств, но теперь не выдержал.

– Д-да, в к-комме, – бухгалтер торопливо поднял руку с коммом и начал искать нужный звонок. – Этот н-номер есть в д-документах, к-которые я п-передал вашим людям.

Кин получил от него номер по лучу и тут же отправил Дип: это свежий след, который надо проверять сейчас, а не когда до него доберется финансовая команда.

– Спасибо, Стив, – говорю я Дональдсу. – Вы нам очень помогли.

– Я м-могу идти? – с надеждой уточнил он, обливаясь напряженным ожиданием освобождения.

– Да, конечно.

– Вы свободны, Дональдс, – подтвердил директор, и маленький испуганный человечек наконец нас покинул, унося с собой свой липкий страх.

– Господин Думар, – оборачиваюсь я к директору. – Не для записи, конечно же. Но не могли бы вы прокомментировать ситуацию? Вы сказали, у вас только элитные клиенты – и я не думаю, что вы горите желанием, чтобы в ваши дела дополнительно к финансовой команде влез еще и я.

Он не показался мне впечатленным: его бровь немного дернулась, и зачатки тревоги немного проявились, однако он, видимо, до конца не осознал, какой задницей я могу обернуться для его дел и делишек.

– Наш бизнес – частное и честное предприятие, – предупредил он. – Я иду вам навстречу, хотя мог бы требовать ордер на каждый документ и каждое действие.

– О, конечно, – киваю я. – Потому что это в ваших интересах, точно так же, как в ваших интересах ответить на мой вопрос. Вам не нужен мой исключительно длинный нос в ваших делах. И не нужен нос кого-то из моих собственных консультантов. Консультантов консультанта, так сказать.

Он некоторое время смотрел на меня, словно пытаюсь оценить потенциальные опасности моего вмешательства.

– Наши клиенты – своего рода члены закрытого клуба, – наконец, сказал он. – И они не желают, чтобы их беспокоили.

Некоторое время мы с ним смотрим друг на друга, словно

пытаясь переглядеть, потом я вежливо улыбаюсь и киваю.

– Спасибо за помощь, господин Думар.

Во флаере Кин косо посмотрел на меня, пока я строчу послания нужным людям – тем самым консультантам консультанта.

– Что ты задумал?

– Я хочу проверить этот элитный клуб, – отмахиваюсь я. – Вряд ли это связано с эпичными кражами, но мое чувство задницы возмущено.

Кин окинул меня еще одним хмурым взглядом.

– Финансисты их проверят.

– Я проверю тоже.

– А этот Дональдс, как по-твоему?

– Замешан в темных делишках своего босса, поэтому исторически боится.

– Но ты уверен, что там нечисто?

– Где ты видел, чтобы все счета всех клиентов банка можно было держать в голове? Сколько счетов можно ориентировочно запомнить, чтобы в них ориентироваться? Я предполагаю, что не больше тысячи. Хорошо запомнить – около сотни. Действительно, элитный клуб. И чем они все заняты?

– Думаешь, отмывка денег?

– Сомневаюсь. Я более, чем уверен, что все операции, которые мы там найдем, будут отвратительно законными.

– И в чем же тогда дело?

– Я думаю, – медленно говорю я. – Дело, в самом деле, в

людях. В них есть что-то общее и что-то особенное.

– По-моему, ты зря тратишь время.

– Эй, я внештатный консультант, я могу это делать. главное, чтобы время зря не тратила, например, Дип. Она уже проверила нам телефон, или, может нашла что-то смачное на руководителей фонда?

– Давай дадим ей время до нашего возвращения.

– Лучше дадим ей время до завтра, – шелкаю я по коффе. – К счастью, этот зловредный первый день декады подходит к концу. Но ты, конечно, можешь вернуться в Управление, никто не запрещает. Вы с Дип в самом деле встречаетесь?

– Это было бы совершенно непрофессионально и неприемлемо.

– Почему мне кажется, что это было «да»?

– Потому что ты фантазер. Напиши еще френд-фикшен про нас, раз делать совсем нечего.

– О, я про вас скорее песню напишу, чем какой-то там френд-фикшен, – смеюсь я. Написать песню – это то, что я в самом деле могу, не вопрос. А вот длинная форма – не мой конек.

Что же, начало декады вышло вполне чудовым.

Глава 2. Believe / don't believe

Если миру и вселенной есть за что сказать «спасибо» человеческой расе, несмотря на ее проблемы, драмы и нерациональный подход ко всему на свете, так это за кофе. Этим напитком родом со своей материнской планеты они одновременно пошатнули гормональный фон пары неблагонадежных рас и создали своего рода клуб причастных и утреннюю зомбиобразную очередь на кофепой во многочисленных процветающих кофейнях. Получение дозы кофеина местами похоже на обмен тайными знаками. Например, сейчас, по прошествии нескольких месяцев завсегдатайства, «наш» бариста, замечая меня, просто молча мне кивает и начинает варить кофе – на троих. Он никогда не спрашивает, какой именно вариант приготовления я изволю, или какой сироп мне добавлять, потому что уже давно выучил, что я никогда не могу выбрать и прошу сделать на его вкус. Так что счет для меня всегда выходит неожиданным, как и вкус напитка. Это своего рода лотерея, но, надо отметить, беспроигрышная.

Я терпеливо жду, пока он рисует на бумажных стаканах цифры вместо имен: ноль, один и два. Я привык думать, что я – это ноль, точка отсчета. стакан один достается Кину, два – Дип, но они иногда меняются ими, точно так же молча и не обсуждая вслух, как и все остальное, что происходит в этом

кофейном заговоре.

Я оплачиваю счет, киваю своему расовому врагу, он кивает мне, и я отправляюсь трудиться дальше.

– Ну и как, мир не рухнул, пока я спал? А то я не успел проснуться и оценить, пока ехал, – говорю я. Дип молча протянула руку за кофе и даже не попыталась сходу ерничать, из чего я делаю вид, что все складывается не очень. Кина нигде не видно, что тоже навевает скверные предчувствия.

– Рухнул, рухнул, – сказала она, отпив немного кофе и от этого немного же подобрев лицом. – Вот, Кина позвали подпирать, чтоб дальше не попадало все.

– Интересно, что там в мире можно подпереть Кином, – я ставлю локти на стол и кладу подбородок на сплетенные пальцы рук. – И еще интересней – что он оставил нам в наследство, уходя в закат спасать мир.

– Колбейн вызвал всех на ковер и дрюкает, – пожалала плечами Дип. – Как будто впервой. Массовая хакерская атака, атататата, просмотрели, атататата, галактеко в опасности, атататата, а особенно жирные счета жирных жадных людей, столпов экономики Альянса. Немедленно поймать, расследовать, не пущать.

– А, в этом ключе, – тут же скучнею я. – А нормальные новости какие-нибудь есть?

– Вот только что прислали информацию из твоего любимого посольства о нашем любимом фонде. Счета им заблокировали вовремя, деньги никуда не ушли. С нами связалась

оперативная группа Созвездия, созданная для расследования всей этой ситуации, ну и, естественно, обращение записали и запустили, о том, что они все такие белые и пушистые и нам помогают расследовать.

– Ты смотрела, чем там этот фонд занят на наших скорбных землях? Кого благодворяют? И копала про владельцев что-то?

– Да, и я связалась с их операционным директором. Я думаю, трогать владельцев без Кина не стоит, но, может, нам съездить в этот фонд самим? Там сейчас инспекция нашей финансовой команды, все, как ты любишь – бардак, истерики, лекарства от нервов, кровь и мозги по стенкам.

– Думаю, это подходящая атмосфера для разговора по душам. Даже лучше камеры для допросов, – соглашаюсь я.

Мы оставили Кину его уже безнадежно холодный кофе и провокационную записку о том, что убыли искать счастья без него, и на флаере Управления отправились в недалекий на этот раз путь.

– Кин велел мне написать про вас с ним песню, – не забываю сообщить я Дип по дороге. – А поскольку ходят слухи, что это он – босс, а я всего лишь внештатный консультант, то я, наверное, послушаюсь.

Дип посмотрела на меня критично и недоверчиво, потом покрутила пальцем у виска в универсальном жесте «ку-ку».

– Что ты там рассказывал про своих безумных родственников? Может, проверяться пора?

– Да нет же, Кин в самом деле велел. Вернее, он предложил френд-фикшен, но я в этом не силен. Очень трудно держать персонажей в характере. Разве что, ты мне поможешь?

– Нет уж, пиши свою песню, – отмахнулась от меня девушка и переслала ссылку на один из общих файлов, чтобы перевести тему. Напрасно, я все равно не отстану – просто вернусь к вопросу позже. – Вот, глянь, это отчеты по фонду. В целом все выглядит так, что они здесь ничего не делают, кроме как собирают деньги. То есть, никакой благотворительной или иной деятельности по отношению к гражданам Альянса они не ведут. Только, как это, повышение социальной осведомленности?..

– Пропаганда, – перевожу я. – И выклянчивание. То есть, они нам тут и не нужны. Это им нужно быть тут, потому что они собирают на пропитание и домики для бездомных ... мышат?

– Детей науки.

– Звучит чудесно. И как, много собирают?

– Очень прилично, – Дип выделила для меня в файле некоторые строки, и я мысленно соглашаюсь с весомостью названных цифр. Конечно, это не пять долбанных миллиардов, но и не жалкие копейки.

– Приятно осознавать, что у нас в Альянсе такие богатые и заботливые люди живут, – заключаю я. – О чужих детях науки готовы заботиться, обеспечивать им там, что именно, кстати?

– Судя по присланным данным, в основном, речь идет об образовании и социальной адаптации наиболее перспективных и одаренных детей Созвездия. Особенно сирот или жителей бедных планет.

– В Альянсе своих бедных планет навалом, – морщусь нос я. – А в Созвездии с самого начала всегда было совершенно бесплатное образование, потому что у Тира на этом пунктик.

– Про Тира тебе виднее, конечно, но тут в переводе так сказано.

Я морщусь нос сильнее и открываю учредительные документы, которые оформлены на весторне, как и в Альянсе, и дополнительные файлы отчетности, которые на весторн переведены торопливо и кое-как, и даже без приложенного нотариального заверения. Оригинал на квилли, правда, приложен, но квилли знает не так много людей. Это все поднимает мой уровень подозрительности куда-то за облака и до Тир-Нан-Ога.

– Они реально зарегистрированы на Квилай? – уточняю я, просматривая учредительные документы.

– Да.

– И это при том, что один из них сидхе, второй человек, а третий маворс?

– Ну, а что удивительного? Выбрали нейтральную планету.

– Супербедную нейтральную планету на отшибе Созвездия. Зато головной офис у них на Аваллоне, в столице. Как

по мне, так прямо и воняет крысой.

– Иль, дорогой, успокойся уже. Кин рассказал, как ты вчера привязался к «Фаради» на ровном месте. Не стоит придумывать лишних существей: может, там на этой Квилай просто налоговый режим особый, или еще что такое.

– По-моему, просто воняет крысой, и все тут, – упираюсь я, продолжая ворошить файлы.

– Если тебе всюду воняет крысой, – наставительно сказала Дип. – То проверь, не от тебя ли это.

Я поднимаю на нее укоризненный взгляд, но она сделала такое невинное лицо, что любой наезд выглядел бы просто избивением младенцев, так что я затыкаюсь.

Дип, однако, оказалась права в одном: в офисе Фонда такой бардак, что я чувствую себя в своей стихии. Прямо как на поле боя, к которому я привычен куда больше, чем к офисам, кофейным очередям и прочим милым пустячкам мирной жизни. Отец вообще неоднократно говорил, что мой главный талант – это умение действовать в условиях абсолютного хаоса, упорядочивая его себе во благо, а мать всегда в таких случаях добавляла, что это от того, что родится я изволил аккурат во время захватнической операции.

Что ни говори, у меня совершенно чокнутая семейка.

Просторный офис фонда в самом деле похож на зону боевых действий. Туда и сюда по большой светлой зале между рядами столов снуют деловитые люди в форме Министерства, с коробками, с блоками памяти, с целыми терминала-

ми. Такие же серьезные парни нависают над каждым гражданским, тыкая пальцами в их мониторы и что-то выспрашивая.

– Многовато народу для организации, которая занималась только повышением социальной осведомленности, – комментирую я, пытаюсь пролабировать в лабиринте столов так, чтобы ничего и никого не снести.

– Я разрешаю тебе откусить голову их операционному директору, если тебя это успокоит, – пообещала Дип, устремляясь вперед меня к мужчине с капитанскими знаками отличия, который явно тут заправлял разграблением. Рядом с ним на терминале явно была включена межпространственная связь, потому что на экране виднелся совершенно чужой и чуждый офис и мужчина-сидхе в знакомой мне форме Созвездия.

– Офицер Дипика Раук, Управление Быстрых Решений, я предупреждала о своем визите, – отрапортовала она. – Могу я переговорить с операционным директором фонда, пока вы здесь ведете анализ деятельности?

Это явный сарказм – если бы врачи так анализы проводили, это было бы что-то вроде изнасилования. Но капитан то ли не заметил, то ли не захотел заметить – только запросил разрешение на беседу у своего коллеги на экране и кивнул Дип на единственную закрытую часть зала, отделенную стеклянными перегородками.

Операционный директор, сутулый сидхе чуть постарше

меня, при нашем появлении виновато вынул изо рта палец, с которого до того откусывал ноготь.

– Господин Мевз-ло-Джахеррам? – уточнила на всякий случай Дипика. – Мы из Управления Быстрых Решений, нам надо побеседовать с вами.

Мевз мимо нее бросил на меня полный надежды взгляд и поздоровался на сайедхе.

Я ехидно отвечаю ему тем же, но тут же добавляю:

– Только, простите, я не знаю ваш язык. Я альвар.

Впрочем, в альварском языке я тоже не мастер, но ему об этом знать не полагается.

Он несколько сник и перевел взгляд на свой стол. Мне даже его немного жаль, при всей моей подозрительности к деятельности фонда, сам этот парень скорей кажется мне злосчастной жертвой обстоятельств. Хотя, внешность бывает обманчива.

– Итак, ло-Джахеррам, – гладко и правильно выговорила его фамильное имя Дип, усаживаясь напротив него. Я пока не вмешиваюсь – кажется, Дип нервировала нашего печального директора куда сильнее, чем я. Да и не удивительно – он какой-то задрипанный для сидхе, а Дип – в самом деле, очень красивая девушка. Вероятно, ему с такими редко доводилось общаться.

Впрочем, если подумать, таких красоток, как Дип, и я сам видел маловато.

– Расскажите нам, пожалуйста, о Вашей работе в Фонде.

Я смотрю мимо него рассеянным взглядом, изучая выставку дипломов на стене. Вот что должно руководить человеком, чтобы вывесить в своем кабинете абсолютно все свои бумажки, начиная от похвальной грамоты за школьную успеваемость? По всей видимости, он человек, который работает за идею, похвалу и одобрение, а не за деньги. И как же такой отличник попал, как кур в ошип? Или злополучный фонд в самом деле всего лишь способ вывести деньги и такая же жертва, как и банки?

– Я руковожу деятельностью Фонда в Альянсе три года, – начал он, немного нервничая, но буквально через пару фраз его речь поменялась, становясь гладкой и плавной, словно переключился тумблер публичных выступлений. – Я сменил на посту госпожу Горун, которая раньше занималась этим сама. Однако, в Альянсе все еще есть предубеждение против маворсов, поэтому остальные руководители сочли возможным взять на работу на это место уроженца Альянса.

– Так Вы – не гражданин Созвездия, ло-Джахеррам?

– Нет, госпожа эээ ...

– Раук.

– Госпожа Раук. Я родился и вырос в Альянсе, но я дальний родственник ло-Лланнренна, и меня, вроде как, рекомендовали на это место. Я неплохо справляюсь! У нас хорошие результаты. Мы собрали только в этом месяце больше трехсот тысяч кредитов благодаря качественной социальной рекламе и проводимым акциям. Мы сотрудничаем с сетью

семейных магазинов «Горран» и с целой плеядой школ, что позволяет нам эффективно находить целевую аудиторию для воздействия. В Альянсе живут прекрасные, неравнодушные люди, им просто надо иногда напомнить об этом.

Он явно сел на своего конька, а мне резко поскучнело. Я поискал среди дипломов нужные и в самом деле нашел нужные бумажки об окончании университета по направлению общественных отношений и нескольких дополнительных курсов в этом направлении. А вот про бухгалтерию и финансы – ничего.

– Ло-Джахеррам, – перебиваю его я. – Кто у вас отвечает за финансы? Не говорите, что вы – вы не отличите дебет от кредита, даже если они разденутся и напишут это на себе боди-артом.

Он сбился на полуслове и растерянно посмотрел на меня, потом потянулся к терминалу, но тот, конечно, был уже опечатан.

– Эндер Сорель, – назвал он имя и с оттенком отчаяния махнул рукой в сторону остального офиса, подвергаемого разгромлению. – Он сейчас там.

И его там едят, – хотелось закончить фразу мне.

– Приведите его, пожалуйста, сюда, а сами сходите кофе, что ли, попейте, – прошу я его с осязательным нажимом. – Будьте так любезны.

Вероятно, я говорю и выгляжу достаточно убедительно – или достаточно безумно – чтобы он закрыл рот и послушал-

ся.

– Ты в курсе, что я вела допрос? – на всякий случай уточнила Дип, словно я мог бы пропустить мимо глаз такой вопиющий факт.

– Ага, – тем не менее, отвечаю я. – Но он точно не наш парень, только зря время на него тратить. Он пиарщик, может, немного маркетолог, и может тебе чудесно рассказать, как выжать денег из людей сравнительно честными способами, а вот про кражи и криминал – это не к нему.

– И я должна просто тебе на слово поверить.

– Ну, так все делают, – хмыкаю я. Дверь приоткрылась, в нее зашел новый персонаж. И я почти уверен, что это наш клиент.

Он выглядел уверенным и спокойным, но где-то далеко под фасадом бурлил даже не страх, нет. Скорее, желание показать всем, какой он крутой. Такие обычно заходят в реализации этой страсти слишком далеко.

– Мне сказали, что вы хотите поговорить со мной, господа?

– Присаживайтесь, господин Сорель, – нахмурилась Дип. – У моего коллеги есть к Вам несколько вопросов.

О, даже так?

Хотя это, в самом деле, я попросил вызвать сюда Сореля.

– Господин Сорель, подскажите, пожалуйста, – начинаю я, устраивая целый спектакль из разглядывания его запонок. – Вы отслеживаете все поступления на счет фонда из Альянса,

верно?

– А также оформляю документы для тех, кто хочет сделать пожертвование, и не знает, как, и занимаюсь оформлением всех электронных способов сбора денег, визирую счета на оплату, – с готовностью перечислил он.

– В общем, вся финансовая часть на ваших плечах, – с деланным сочувствием качаю головой я. – Скажите мне, пожалуйста, Вы видели поступление на счет Фонда всей этой легендарной суммы? Я понимаю, что она пришла в разбивку, но вы не могли не увидеть, что объем поступлений колоссальный, и никак не бьется с вашими обычными объемами.

– Видел. Но мы не так давно запустили новую вирусную рекламу, и на нее хорошо отзывались люди. Мы с Мевзом даже не так давно писали отчет для головного офиса о росте эффективности благодаря этому подходу. Я подумал, что, может быть, нас настиг настолько... крупный успех. История, в конце концов, знает такие случаи.

Тут он, конечно, прав – знает. Некоторые сборы денег на помощь или на производство какого-то товара оказываются экспоненциально более успешными, чем предполагалось, а вот предугадать, что вот так может «выстрелить» – практически нельзя.

Однако, господин Сорель чем-то взволнован. Не очень сильно, не критично, но взволнован.

– Действительно, такое могло случиться. Вы проверяете, откуда поступают средства?

– Конечно, мы фиксируем отправителя. Это нужно для финансовой отчетности, и это все есть в бумагах. Но вы, наверняка, уже со всем этим ознакомились.

– Что Вы сделали, когда обнаружили такое количество поступлений? Когда, кстати, это произошло?

– Вчера в начале рабочего дня. Я, конечно же, сообщил об этом Мевзу, и мы успели порадоваться успеху компании. Как вы понимаете, потом мы были крайне разочарованы.

Он не радовался. И не разочаровывался. Он был в недоумении, и в недоумении он до сих пор. О чем бы тут ни была речь, каким бы скользким типом он мне не казался, он совершенно не ожидал этих денег, и понятия не имел, откуда они на него свалились. И я понятия не имею. Он, скорее всего, ни при чем, но любопытство заставляет меня немного вскопать тут пашню еще.

– Говорите, ваша вирусная реклама незадолго до того принесла достаточно много средств?

– Да. Порядка двухсот тысяч за две недели. Это серьезный успех.

– Я могу получить образцы вашей... вирусной рекламы и медиа-план? – прошу я. – Мы думаем о запуске информационных роликов о нашем Управлении, и я хотел бы ознакомиться с действительно удачными примерами социальной рекламы.

Он никак не проявил этого внешне, но я чувствую за ровным фасадом короткую, яркую нервную вспышку.

– Конечно. Куда могу Вам переслать материалы?

Дип протянула ему визитку Управления.

– Последний вопрос, господин Сорель. Когда вы сообщили в головной офис об аномально большом денежном потоке?

– Мы не успели, – сдержанно ответил бухгалтер. – Пока мы обсуждали ситуацию, от Службы Безопасности Созвездия пришла информация о срочной блокировке всех счетов и приостановке операций. Я могу идти?

– Если у моей коллеги нет вопросов, – вежливо киваю я.

– О, нет, нет, – отмахнулась Дип. – Мне все кристально ясно.

– Не забудьте, только, пожалуйста, о моей просьбе, – еще раз напоминаю я. – Наш шеф достаточно тщеславен, ему нужен успех, а ваша история меня заинтересовала. Если я не получу от вас материалы, мне придется, не приведи Великая Алхимия, снимать копии ваших документов в финансовом управлении.

Я почти добиваюсь от него внешней реакции, но он все-таки умудрился удержать себя в руках, хоть я и почти физически чувствую, что здесь что-то нечисто.

– Тщеславен? Иль, в самом деле, – покачала головой Дип, когда мы покинули Фонд. – Зачем тебе сдались эти видео? Опять твои крысиные духи нюх отбили?

Я поднимаю руку и демонстративно принимаюсь к своему плечу, но, конечно, пахнет не крысой, а привычной сме-

сю одеколону, чистого полотна, корицы и шоколада.

– Это были его крысиные духи, – деланно высокомерно отвечаю я.

– А если серьезно?

– А если серьезно, я думаю, что ни директор, ни бухгалтер не причастны к краже. Это не снимает подозрений с головного офиса, но эти? Они ни при чем.

– А в чем же крыса?

– А вот это только предстоит выяснить. А я еще предыдущую не загнал в клетку, – вспомнив про банк «Фаради», я быстро проверяю комм на предмет ответов на свои вчерашние запросы, но там пока тихо, и это меня не слишком радует.

– Ты считаешь, что они не причастны, только потому, что не побежали срочно докладывать о деньгах в свой центр?

– Ага, – киваю я. – Но ты проверь их звонки и все такое. Запроси у Созвездия, если надо. Я даже готов послу позвонить, если просто так не дадут.

– Хорошо, – Дип сделала пометку у себя в комме. – Знаешь, я думаю, и головной офис не причастен. Когда у нас было раннее утро, у них была ночь, но вот когда ты был у посла – уже утро, и кто-то мог вполне заметить эти деньги. Тем более, если бы их ждали, их бы караулили, и сразу вывели бы. А так получается, что никто не просек, и счета успели заблокировать до того, как они очнулись. То есть, для них этот золотой дождь был неожиданностью.

– Я думаю, это похоже на правду, – вздыхаю я. – Хотя они так подозрительно выглядят и так подозрительно существуют, просто идеальные преступники! И с владельцами фонда я все равно хочу поговорить.

«Где вы там шляетесь?» – судя по тому, как подпрыгнула на месте Дип, гневное и несправедливое сообщение шефа настигло нас одновременно.

Я хмыкаю вслух, и сообщением же отвечаю: «ездили ловить крыс но нашли только крысиную приманку».

«Вообще-то мы пытаемся раскрыть конкретное дело, а не поймать всех крыс Альянса».

«но крыс то попутно можно».

«Жду в Управлении».

– Тебе тоже влетело? – уточнила Дип, поднимая от комм грустноватые глаза.

– Ага. Я так понимаю, это «передай другому». Колбейн совершил заезд чайка-менеджмента, и его хорошенько обосранные подчиненные побежали распространять эту благую весть дальше.

– Чайка-менеджмент?

– Прилетел, наорал, обосрал и улетел.

– А, – хихикнула Дип. – Похоже. Ну, или там без нас кто-то прорыв совершил.

– Об этом нам Кин уже десять раз сказал бы и носом потыкал, – не соглашаюсь я. – Так что думаю, просто никаких продвижек нет.

Я оказываюсь, конечно, почти прав.

По приезду вместо того, чтобы огорошить нас почти раскрытым мощным умственным усилием делом, Кин принялся долго и нудно выспрашивать нас о поездке, и по сто раз уточняя все детали, особенно те, которых нет.

– И зачем тебе сдались эти видеозаписи?

– Хочу кое-что проверить, – пожимаю плечами я.

– Это ничем не поможет в расследовании кражи.

– Но это может дать зацепку в другом деле.

– Каком еще другом деле, если мы сейчас ведем одно?

Всего одно? Или у вас, альваров, особая система счета? – он укоризненно тыкает в мой пустой стакан с цифрой ноль, который с утра стоит на столе Дип.

Я невозмутимо выбрасываю стакан в помойку, но по аналогии систем исчисления тут же думаю про нашего загадочного хакера.

– Там что-то выяснили про взлом или про схему переводов?

– Не очень много. Но зато пару «прачечных» накрыли – часть проводок было через счета финансовых организаций, которые не выдержали даже достаточно поверхностной проверки.

– Еще не разобрались, как он добрался до стольких банков одновременно?

– Предполагают, что сломал каким-то образом защиту Центрального финансового узла.

– Это почти нереально.

– Но оттуда было очень легко подключиться ко всем этим банкам. Они все входят в резервную систему и хостят бек-ап сервера межбанковской системы обмена данными. И, конечно, их защита к проникновениям в их сеть из центра минимальна. Проверяют только протоколы доступа, но не сами данные.

– Просто никто никогда не думал, что кто-то сможет взять и взломать Центральный узел.

– Там, конечно, сейчас ад. Все ищут этот вирус, или бек-дор, или шпионскую программу, что бы это там ни было.

Я тру шрам на щеке и думаю, что трудно искать черную кошку в темной комнате... особенно если ее там нет. Центральный узел был очевидной идеей, но что, если дырка не там?

– Что-то еще проверяют так массивно?

– Например?

– Например, Центральный узел был сам только звеном в сети, и там уже все вычищено, а червяк сидит где-то еще. В Министерстве Финансов например, или у кого там еще есть относительно прямые доступы? Хоть какие-то доступы? Небось, какой-нибудь особо хитрожопый админ сделал себе выделенный проброс до терминала в собственном сортире, и с домашнего компа с порнухой подцепил туда вирус, когда «удаленно администрировал» это безобразие.

– Ты параноик и плохо думаешь о людях.

– По-моему, недостаточно параноик, – не соглашаюсь я. – И думаю о людях куда лучше, чем они того заслуживают. Сколько раз у нас весь архив летел к чертям, потому что кто-то открыл письмо с вирусом? А? Продолжалось же до тех пор, пока всю архитектуру сервера не сменили начисто и не наставили фаерволов на каждом шагу.

– Давайте зайдем с другой стороны, – примирительно подняла руки Дип. – Кто вообще мог такое сделать? Наверняка не просто любой паренек, возомнивший себя, как говорит Иль, кулхацкером. Для такой операции надо обладать какими-то реально крутыми навыками.

– И еще более крутой наглостью, – добавляю я. – Можно попробовать поднять информаторов полиции и пошерстить на предмет того, что, может, кто-то хвастал такой мощной победой, или участием, или что-то такое. Или просто про кого-то ходят слухи, что он так крут, что может взломать даже сервера Правительства.

– Да, – согласилась Дип. – Я свяжусь с ребятами из полиции, которые нам в прошлый раз помогали.

– У нас еще есть счета людей, через которых была осуществлена часть переводов. Как тот в банке «Фаради», – сверяясь со своими записями, сказал Кин.

– Ах, да, – спохватываюсь я. – Владельца прозвонили?

– Одноразовый номер, еще вчера проверила, – Дип повернулась к своему терминалу и прислала нам с Кином ссылку на очередной документ. – Зарегистрирован на те же учетные

данные, что и счет, но это виртуальная карта связи, и владелец подтвержден дистанционно, по чипу ИД. А вот сам чип ИД...

– Дай угадаю. Клонированный.

– Точно, – подтвердила Дип. – Ну, у нас как будто бы должен был бы быть голос этого чувака на записи, поскольку ему звонили и он поднял трубку. Вот только голос синтезированный, и отвечал на вопросы очень хороший чат-бот. Я не поленилась – проверила другие потенциальные номера и ИД с счетов людей, по которым точно были проводки по этому делу. И вот все ИД либо клонированные, либо сгенерированные, номера все виртуальные, все отключены со вчерашнего дня, но я более, чем уверена, что там мы бы тоже мило поговорили с шикарными чат-ботами.

– А ты отслеживала сами клоны чипов, или комм-карты?

– Они отвечают из распределенной облачной сети на Тайрене.

– Ну, – заключаю я. – Это сужает район поисков, правда? По крайней мере, наш загадочный мастер-хацкер скорее всего, где-то рядом с нами, а не сидит где-нибудь под сиреневым небом Алихорна, потягивая коктейль под звуки прибора.

– Оптимист, – фыркнул Кин. – Он может и там. А все автоматизированные штуки – тут. Разве не для этого они придуманы?

– По межпространству было бы трудно следить за срабатыванием всех элементов, – не соглашаюсь я. – Я думаю, он

тут. Или, хотя бы, был тут на момент кражи. В любом случае, надо попробовать найти этого наглеца. Может, кто-то что-то слышал, все-таки. Я, конечно, могу представить, что он так крут, что провернул это все в одиночку, но шансы, что у него были какие-то помощники или контакты, все-таки есть.

– Ах, да, кстати, – Кин вскинулся, словно его озарила некая светлая идея. – Дип, проверь, пожалуйста, когда были созданы эти счета на левые данные. Тот бухгалтер в «Фаради» сказал, что счет был не самый свежий, но не использовался все это время.

Дип нахмурилась, повернулась к экрану и мы почтительно замолчали, пока она колупалась в цифрах, запрашивая какую-то несчастную, задерганную жертву из финансового управления на каждом шагу.

– Такая важная, – шепотом комментирую я.

– Да. Деловая, – так же тихо согласился со мной Кинслер, украдкой улыбаясь. Я записываю эту улыбочку на счет своих гипотез.

– Что там Кольбейн? Он же дрюкал вас всех с утра пораньше?

– Еще как, – Кин даже сморщил нос. – Невзирая на чины, заслуги и звания. Директива 22! Надо бороться, надо препятствовать, угроза безопасности у нас под носом. Мы, сам понимаешь, виноваты, что, допустили такое безобразие под носом, и даже парочка накрытых «прачечных» его не порадовала. Он объявил само их существование признаком того,

что мы ни хрена не делаем.

– О, конечно. Как насчет налоговой, чье это дело, вообще-то, – буркаю я. Впрочем, Колбейна я понимаю. Это его дело – брызгать слюной и орать, когда что-то идет не так, иначе кто-нибудь наверху подумает, что это он не справляется. – Он хоть что-то дельное сказал?

– Что за всем этим дерьмом пристально наблюдает Совет, так что нам предлагается расковырять это дело побыстрее.

– Значит, Созвездие не будет ерепениться и вернет деньги, – делаю вывод я.

– Потому что испугаются?

– Именно. Сейчас издадут специальный какой-нибудь приказ по этому поводу, и вернут все бабки.

– Ты так уверен?

– Готов поспорить. Хочешь поспорить, Кин?

– Только с тобой, – хмыкнул он. – Я так и не пойму, ты можешь или не можешь меня считать?

– Только когда ты сильно фонишь наружу, – пожимаю плечами я. – Я могу, скорее всего, сломать твои щиты, но они вполне хороши. Кто их ставил? Кольбейн?

– Нет, другой парень, – отмахнулся Кин. – Старик тогда не мог.

Подозреваю, что не мог потому, что еще не родился – но Кин тщательно следил за своими словами, а я не налегаю, потому что это совсем не та тайна, которая меня на самом деле интересует.

– У тебя есть плазменная пушка?

– При чем тут это?

– Ну, будь снисходителен. Есть?

– Есть. Не табельное оружие, конечно. Думаешь, потребуется?

– Нет, – удовлетворенно отвечаю я, и образ малыша-Кина с плазменным оружием обретает больше веса и правдоподобия.

– Это все подстава, – прервала наш тет-а-тет Дип, кидая на стол стилос.

– Счета-проводки ведут к нам, и мы немедленно должны арестовать друг друга? – с юмором предполагаю я.

– Не настолько. Но у них явно левые даты создания, потому что мы проверили по «Фаради», и, в общем, там дата пять лет назад, но в бекапе годичной давности этого счета нет. Не мудрено, что ваш этот Дональдс его не помнил.

– Кстати, сколько там, все-таки счетов? – уточняю я, пока речь зашла об этом.

– Сто пятьдесят семь, – с неудовольствием ответила Дип, не слишком довольная тем, что я не прямо-таки впечатлен результатами ее проверок.

– Сколько потребуется времени, чтобы определить точные даты посадок этих счетов в базы данных?

– Да, это дало бы нам дату настоящего взлома, – согласился Кин. – Управление кибербезопасности просто в дерьме. Получается, они проморгали взлом еще хрен знает когда.

– Не забудь макнуть их с головой, чтобы Кольбейн орал именно на них, а не на тебя. Я знаю, как бесит его брызгающая слюна, – ехидно советую я.

– О, она прекрасно будет смотреться на море дерьма, – мечтательно сказал Кин.

– Обещают до завтра все просмотреть по всем счетам, которые уже установлены точно, – терпеливо дождавшись конца нашего пререкания, сказала Дип. – И нас даже поблагодарили за выявление подлога, потому что следов раннего взлома там не было, и они даже не думали проверять по бекапам.

– Да там и следов текущего взлома, наверное, нет, – фыркаю я.

– Если у нас Центральный узел взломали даже полгода назад, страшно представить, сколько всего можно было успеть наворотить, – с крайней степенью ненависти к миру в голосе прокомментировал Кинслеер. – И тот, кто это сделал...

– Везучий и крайне умный гавнюк, мы это уже установили. В связи с чем меня все еще мучает мысль о том, что мы что-то очевидное упускаем из виду. Построив такую схему атаки, он просто не мог потерять деньги на финальном витке – у него бы уже был готов вывод со счетов этого дурацкого фонда, да такой, что никто и глазом бы не моргнул.

– Значит, деньги были, все-таки, для самого Фонда, и они надеялись, что сыграют в святую невинность, делая вид, что они ни при чем, и им это все просто нажертвовали в ходе рекламной кампании.

– Или наш кулхацкер просто очень хотел позаботиться об образовании детей с бедных планет.

– По-моему, это все редкая глупость, – не соглашаюсь я. – Я все еще за версию финансового терроризма.

– И где же его заявление?

– Вот мы окончательно запутаемся, тогда и будет, – с готовностью предрекаю я.

– Это все версии, – примирительно сказал Кин. – Предлагаю вернуться к насущным делам, раз мозговой штурм эту крепость не берет, и позвонить в Созвездие, пока там на Аваллоне еще день, и мы можем застать всех учредителей.

Идея выглядит неплохой, но только выглядит, конечно же.

Первым мы дозвонились до Джонатана Хастингса.

С экрана нас поприветствовал благообразный пожилой мужчина, и фон за ним немного подергивался, словно он был сгенерирован, чтобы закрыть бардак или что-то, что нам не полагается видеть. То, что Хастингс выглядит настолько пожилым, отодвигает его возраст куда-то ближе к двумстам годам, потому что стопятидесятилетний Кольбейн смотрится куда живее.

– Готовы? – уточнил Кин. – Вернее, более конкретно: Иль, ты готов молчать?

– Никогда. Но ради тебя постараюсь, тем более, что тут от меня мало проку.

Я не лукавлю: межпространственная связь прекрасно защищает от телепатов и их фокусов, поскольку работает с за-

держкой. Фактически, это пересылка коротких видеороликов туда-сюда, потому что потоковую передачу данных через ретрансляторы движущихся маршрутных кораблей так и не удалось пока что наладить. Это дело будущего. Может быть, когда-нибудь. А пока то, что мы имеем – видео, записанные за много световых лет друг от друга, обмен пакетами данных через сотни узловых пунктов, что дает настолько сильно опосредованное взаимодействие, что телепат бесполезен. Остается полагаться только на свою внимательность и природный ум (если он, конечно, есть в наличии).

– Господин Хастингс, мы вынуждены потревожить Вас в связи с произошедшим недоразумением, и просим ответить на несколько вопросов. Прежде всего, когда Вы первый раз услышали о возникшей ситуации с переводом на счета Вашего фонда денег, украденных из банков Альянса?

Щелчок, отправка. Ожидание. Кин и Дип, находящиеся в кадре, старательно сохраняли прежнее положение, чтобы не создавать впечатления, что они тут, пока ждут, жрут или кофе там пьют. Это обычный жест вежливости во время межпространственной связи: не отвлекаться, хоть это и трудно.

– Дорогие коллеги, я очень опечален происходящим. Мне очень жаль, что «Дети науки» оказались замешаны в преступлении, совершенном в вашей стране, которую я, несомненно, очень уважаю. О проблеме мне сообщила моя дорогая Элснер сегодня утром. Я совершенно не ожидал, что какой-то наглец может воспользоваться нашим общим благим

делом для такого наглого преступления.

Пользуясь своим невидимым для него положением, про-
сматриваю полученные из Созвездия данные о нем. Ему,
внезапно, вовсе не ближе к двумстам, а всего лишь около
девяноста, но он происходит с одной из отстающих планет,
где продолжительность жизни еще не поднялась до средне-
статистической по обитаемой галактике.

Зато он профессор нескольких Университетов, уче-
ный-экономист, занимающийся исследованием бедности и
борьбы с ней. Судя по всему – прекраснодушный «свадеб-
ный генерал» от которого мало толку в наших вопросах. Я
теряю к нему интерес, потому что это согласуется с моим
впечатлением о нем, но продолжаю следить за беседой.

– Подскажите, пожалуйста, Вы участвуете лично в опера-
ционной деятельности фонда, господин Хастингс? Если да,
расскажите, пожалуйста об этом.

– Да, конечно, конечно, участвую. Я лично разработал
шкалу для оценки интеллекта и возможностей детей, многие
из которых лишены доступа даже к базовому образованию.
Это альтернативная метрика по сравнению со стандартны-
ми тестами, и работает она очень хорошо. Выбранные мной
дети показывают чудесные результаты в дальнейшем разви-
тии. Конечно, к сожалению, во многих случаях бывает труд-
но объяснить родителям, чего они лишают своих детей, ко-
гда препятствуют Фонду заниматься с ними или забирать их
на Аваллон. Иногда, конечно, удается их уговорить. Другие

же готовы буквально продавать своих малышей – их не волнует дальнейшая судьба их сына или дочери, их интересуют только деньги, на которые можно прокормить себя и других ... отпрысков.

Свадебный генерал, но не прекраснодушный? Я бросаю вопросительный взгляд на Кина, и тот отвечает мне практически зеркальным.

– Подскажите, пожалуйста, господин Хастингс, каков объем деятельности Фонда по поиску и воспитанию таких детей? Сколько человек сейчас вы курируете?

– Если быть точным, тысяча четыреста девятнадцать, – ответил он на следующем отрывке видео, видимо, сверившись с бумагами. – Это дети разных возрастов, от самых маленьких до уже выпускающихся из образовательных учреждений. Деньги расходуются на обеспечение им достойной жизни, дополнительные занятия, медицинское обеспечение. Кроме того, много ресурсов отнимает поиск новых подопечных.

Фабрика талантов?..

На деньги, которые они собирают в Альянсе, вполне можно содержать эту тысячу пятьсот, и искать новых. Но ведь они не только в Альянсе собирают ресурсы?

Такая же мысль, видимо, пришла в голову и Кину, потому что он задал вопрос именно об этом.

– Господин Хастингс, я понимаю, что Вы, скорее всего, редко касаетесь финансовых вопросов. Однако, по Вашему мнению, Вы собираете на потребности Фонда больше денег

в Созвездии или в Альянсе?

– О, конечно же, в Созвездии. Кроме пожертвований от неравнодушных к будущим поколениям людей, мы получаем грант от Тир-ар-Ллеа лично.

Кин едва успел убрать с лица такое выражение, как будто съел лимон до того, как снова включил запись.

– Спасибо за помощь, господин Гастингс. Последний вопрос: кто, по Вашему мнению, больше в курсе ситуации с кражей – госпожа Горун или ло-Лланнренн?

– Я думаю, милая Элснер поможет вам больше, коллеги. Кирс обычно занят нашими проблемами внутри Созвездия.

Мы отключились, и Кин сразу же картинно прижал пальцы к вискам.

– Ну? – сказал он с надрывом.

– Что «ну»?

– Где же неизбежное заявление про крыс?

Я выгибаю бровь и смотрю на него.

– Ты его только что сделал. Сам. Чуешь крысу, Кин?

– Чую полное фиаско. Они собирают больше денег, чем тратят, это явно. Но если они там обогащаются за счет грантов и пожертвований, нас-то это как волнует?

– Не знаю. Не волнует, если они в самом деле отбирают детей только у себя там, и не трогают Альянс.

– Вряд ли они так рискуют. Думаю, на границах Созвездия достаточно нищих планет – бывших колоний, чтобы дать им достаточно... детей.

– Думаете, это работоторговля? – подала голос Дип, видимо, тихо переживавшая этот страх внутри в последние несколько минут.

– Нет, – подумав, отвечаю я, и вовсе не для того, чтобы ее успокоить. – Тут скорее что-то вроде экспериментов по... воспитанию новой расы. Тир бы дал на такое грант, могу точно сказать.

– Придется пока поверить твоему представлению о Тире. Но, может, попросить наших коллег в Созвездии прогнать проверку? Хотя бы по судьбам... известных выпускников.

– Может.

– Это все прекрасно, – почти раздраженно сказал Кин. – Но мы только закапываемся в это дело дальше, и никаких концов пока не нашли. Допустим, у них там евгеника и фабрика младенцев, но это не решает наш вопрос о том, способствовали ли они краже, или нет.

– Да уж, зато подняли кучу мути в воде, – хмыкаю я. – Кто дальше, маворска или сидхе?

– Предлагаю начать с госпожи Горун, раз нам ее прорекламировал господин Хастингс. И, кстати, я не уверен, что женщина-маворс это «маворска». Кажется, это будет просто «маворс».

– Да знаю я. Просто по аналогии с «давоской», – хихикая, поясняю я, вспоминая не к месту свой любимый анекдот.

– Почему он всегда ржет? – трагично поинтересовался Кин у Дип, но та только отмахнулась, дозваниваясь нашей

следующей жертве.

– Зато я точно обещаю молчать и не маячить, пока вы общаетесь с гражданкой Горун, – искренне обещаю я. – Потому что кому как не мне понимать, что мое присутствие может тут сильно покачнуть, так сказать, международные отношения.

– Я так понимаю, твои ежеутренние покупки кофе у того маворса в кофейне международные отношения покачивают не очень сильно.

– Именно. И заодно толерантность к ядам у нас всех развивается. Классно, правда?

Кин неодобрительно посмотрел на меня, словно оценивая градус правды в моей болтовне, но счел ниже своего достоинства это комментировать, тем более, что Дип все-таки дозвонилась.

«Милая» госпожа Элснер Горун, которую я наблюдаю на боковом видеомониторе, милой мне совсем не кажется – скорее, она, как и все представители ее расы, похожа на несколько недружелюбный бульдозер с дизайном элитного спорткара. Или элитный спорткар с дизайном бульдозера, да еще и причудливо украшенный. У нее на коленях стоит красивая сумка стоимостью в пару среднестатистических квартир на среднестатистических планетах Альянса, а на серьги, наверное, можно прикупить еще десяток. Я не знаток женских шмоток – но прикинуть на глаз стоимость драгоценных камней в таких возмутительных «люстрах», что аж до плеч,

я вполне могу. В них красиво играет свет, подсвечивающий сзади, и роскошный интерьер прекрасно освещен, тоже.

– Прошу вас, быстрее. У меня мало времени, в отличие от вас.

Несмотря на мое предусмотрительное отсутствие в кадре, она совсем не приветлива, так что, может, стоило ее по-нервировать мной? Или нет?.. Пока я размышляю, Кин свел брови под очень опасным углом и начал допрос.

– Госпожа Горун, пожалуйста, назовите свое полное имя.

О, да. Да! Кажется, Кин разозлился на отлично. Когда он начинает опрашивать по всей форме, это занудно, долго, бесполезно и раздражающе, но, кажется, он намерен оторваться по полной.

– Элснер Грей Горун, – раздраженно ответила она. – Это все, что вы хотели узнать?

– Госпожа Горун, пожалуйста, соблюдайте спокойствие. Есть определенные процедуры проведения опроса свидетелей, и мне не хотелось бы, чтобы Вас потревожили еще раз просто потому, что я не задал все полагающиеся вопросы.

Голос Кина прозвучал так мило и дружелюбно, что я начинаю тихонько похрюкивать от смеха, едва не наматывая на нос шарф, чтобы приглушить неконтролируемое веселье.

– Задавайте уже свои вопросы, офицер. У меня в самом деле мало времени.

– Подскажите, пожалуйста, госпожа Элснер, правда ли то, что раньше Вы работали директором операционного отдела-

ния фонда на Альянсе?

– Да.

– Когда это было, подскажите, пожалуйста.

– С момента начала работы в Альянсе шесть лет назад.

Два года.

Я делаю про себя ставки на то, сколько она продержится до взрыва.

– Госпожа Горун, в Вашем профиле есть упоминания о том, что после заключения договора с Маворсом Вам предлагалось гражданство Альянса, но Вы отказались. Это правда?

– Да.

– Почему Вы отказались?

– По личным причинам.

– Испытываете ли Вы неприязнь к каким-либо народам Альянса, или его законам?

– К чему все эти вопросы? – уже явно начала она психовать и злиться. – Я ненавижу альваров и лично вашего обожаемого Палача из Эвердена – по его вине и от его рук погиб мой отец. И я совершенно не хотела быть причастной к его делам даже косвенно, приняв гражданство вашего альварского до мозга костей Альянса.

– Понятно. Тем не менее, Вы жили в Альянсе, как минимум, два года, пока занимались делами Фонда. Как Вы можете описать это время?

– Отвратительное и тревожное. Это личные вопросы, если

хотите знать!

– Вы всегда можете отказаться отвечать, – почти промурлыкал Кин, не договаривая, но явно имея в виду, что это произведет на него сопутствующее впечатление. – Почему именно Вы, а не Ваш коллега ло-Лланнренн занимались делами фонда в Альянсе?

– Потому что он куда полезней в Созвездии. Это наше внутреннее дело, как именно распределять обязанности в нашей организации.

– Но разве это не выглядит для Вас самой подозрительно? Вы, которая настолько не любит Альянс, отправляетесь сюда и проводите здесь два, как Вы сказали? Отвратительных и тревожных года.

– Это выглядит рациональным решением на тот момент, при тех ресурсах, которые у нас были. И, если Вас интересуют только мои проблемы с принятием Альянса, пожалуйста, нам не о чем больше разговаривать! Я ответила на Ваш звонок потому, что меня просили это сделать, но терпеть оскорбления я не намерена. И непременно составлю жалобу на ваше дурацкое ведомство через посольство.

– Погодите же, – мягко сказал Кин. – От кого и когда Вы узнали о поступлении на счета Фонда средств, не принадлежащих ему?

Мадам уже кипела, как вода на огне, и ожидание ответов от нее становится все дольше. Но что-то заставляло ее держаться и продолжать. Я даже немного уважаю ее за терпение,

особенно с учетом ее признания в сугубой нелюбви к нам и нашим делам.

– Увидела сама. Вчера рано утром. Я учредитель, в конце концов.

– И каковы были ваши действия?

– Я сочла, что эти суммы будут мне объяснены позже и не стала, конечно, делать ничего. И не обязана отчитываться перед вами, между прочим, в своих решениях. Я не смотрю новостей Альянса, и тем более, конечно, не могла знать, что вы претендуете на эти деньги.

– И когда же Вам удалось получить объяснения?

– Через несколько часов с ло-Лланнренном связались из администрации Тир-ар-Ллеа, и наши счета были заблокированы. Это крайне неудачная ситуация, поскольку там находятся не только эти спорные деньги, но и наши собственные средства. Так что я требую в самом ближайшем времени вернуть нам контроль над счетами. Забирайте свои деньги, солите их, жрите их, купайтесь в них, и оставьте нас в покое.

– Как Вы понимаете, госпожа Горун, мы никакой властью над Вашими счетами не обладаем. Решение об изъятии денег и разблокировке счетов должно исходить от властей Со-звездия, поскольку именно они и наложили на Вас вето.

– Но из-за вас. Кто-то из вас, кто-то достаточно важный попросил, и отказать не смогли. Кто-то, кто для Тир-ар-Ллеа важней друзей детства, видимо. Не сам ли Палач? – почти выплюнула этот уничижительный титул она.

Она, конечно, все путает. Кровавый злодей для Маворса и герой для Альве, палач Эвердена уже тридцать четыре года, как воссоединился с Великой Алхимией. Меня называли в честь него, собственно, и после его смерти, если на то пошло. Но его потомки здравствуют, процветают и чрезвычайно походят на него, что несколько объясняет путаницу. Видимо, маворсы тоже такие же, как я, «девочки с Давоса» в отношении альваров.

Впрочем, поправлять ее я не собираюсь – мне нравится цирк, но усугублять я его не собираюсь.

– Оставим такие тонкости на совести дипломатов, – покачал головой с деланным сожалением Кин. – Я чрезвычайно сопереживаю возникшим у Вас проблемам, и надеюсь, что скоро ситуация разрешится к вящему удовлетворению всех сторон. Госпожа Горун, какая сейчас ваша основная сфера деятельности в фонде?

– Я организатор, – коротко бросила она.

– Вы организуете поиски талантливых детей, или мероприятия по сбору денег?

– Я организую ВСЕ. Послушайте, это смешно! Вы битый час задаете мне дурацкие вопросы, не имеющие отношения к расследованию. Если вас не пугает жалоба на вашу контору, то, я, пожалуй, потребую, чтобы ноту протеста направили против вас лично! Как вас там? Кинслеер? Раук? Погодите у меня. Думаете, можно издеваться над гражданами другой страны безнаказанно?

Она отключает связь, и я, наконец, выдыхаю.

– Кинслеер! Раук! Гиллернхорн! – перечисляю я, смеясь. – Жаль, она не видела, что тут еще и я.

– Смех смехом, но толку чуть. Она явно что-то знает, или подозревает, но нам не скажет.

– Принципиально не скажет, – согласилась с шефом Дипика, которая, кажется, уже устала молчать и фиксировать основные пункты разговора на планшете. – Вызываем последнего?

– Да, – потер переносицу Кин. – Иль, не хочешь с ним сам поговорить? Как, так сказать, личный друг Тира с личным другом Тира?

– Сомневаюсь, что могу считаться его личным другом.

– А по-моему, это приравниваемый титул, – вставила Дип. – Неэквивалентный, но того же уровня значимости, как минимум. У большинства людей, знаете ли, есть слабое место насчет тех, кто их спас.

– Обычно совсем не так, – не соглашаюсь я. – У нас есть слабость к тем, кого мы спасаем, а не наоборот. Тот, кто спасает нас самих обычно вызывает раздражение. То есть, в начале, конечно, восторг и радость, но потом чувствуешь себя нелепо.

– Ты это исходя из своего опыта говоришь? – осторожно уточнила Дипика.

– Очень, – лаконично отвечаю я, потому что даже мое личное прозвище связано с неудобным моментом спасения ме-

ня, в конечном итоге.

– Итак, ты не будешь с ним говорить.

– При всем уважении, Кин, от меня в такой ситуации больше толку, когда я могу смотреть на ситуацию со стороны и не отвлекаться на мороченье чужих голов, – я кидаю на него критический взгляд, пытаюсь сообразить, надо или не надо напоминать ему об очевидном.

Кинслеер сощурился.

– Ты что-то хочешь мне сказать?

– Не забудь спросить о причине создания фонда. И о «Трек-Аваланш».

– Почтовая служба? – не понял он.

– Он владеет ей через подставных лиц.

– О, кажется, кто-то сделал свою домашнюю работу?

– Если бы домашнюю работу делал не только я, у нас была бы куча зацепок. Где моя информация о «Соджорне»? А про делишки «Фаради»? А про подходящих хакеров?

В отместку Дипика снова кинула в меня бородатой рыбой – и снова неудачно.

– Отставить шутовство, – Кин перехватил рыбу в воздухе рукой, безо всяких затей и отправил куда-то в угол. – Если есть лишние силы – лучше кидайся фактами, а не рыбами. Откуда у нас вообще это уродство?

– Финансисты на зимнепраздник подарили.

– Лишний повод считать их дебилами. Иль, что-то еще?

– Звоните, – говорю я и отодвигаюсь обратно вне границ

поля охвата камеры.

Кирс-ло-Лланнренн был словно готов сорваться со своего места и задрать своей активностью весь мир вокруг. Он весь лучился какой-то нервной кипучей энергией, весь нарядный и яркий. За его плечами был виден роскошный сад, и я рассеянно скольжу взглядом по растениям. Сгенерированные, что ли? Колыхаются в разные стороны.

– Господа, господа, сразу скажите, какого черта вы к нам привязались? Мы всего лишь не такой уж большой благотворительный фонд и не делали ничего плохого, а Тир мне велит сидеть тихо и говорить правду, как будто мы тут все под следствием.

Я обращаю внимание на то, как он назвал имя Тира – очень казуально, нарочито небрежно. Словно пытался сакцентировать внимание на то, что находится в Созвездии на особом положении.

– Мы пока просто проясняем ситуацию, ло-Лланнренн, – с готовностью пояснил Кин. – Чтобы понять, по какой причине был выбран именно ваш фонд для вывода денег.

– Все наши системы проверяют – вероятно, нас тоже взломали, как и вас, – дернул плечом сидхе. – Тут даже особенно нечего выяснять.

– Если это действительно так, то, во-первых, остается непонятной причина, по которой вас выбрали для взлома. Если же у хакера были какие-то зацепки у вас, это может помочь вычислить его. Возможно, вы даже знаете того, кто вас

поставил в такую неприятную ситуацию.

Ло-Лланнрэнн сложил руки вместе и посмотрел поверх сцепленных пальцев на Кина, видимо, обдумывая его слова.

– Спрашивайте.

– Проводились ли за последнее время в Фонде какие-либо работы с привлечением внешних экспертов, так, чтобы они получали доступ к корпоративной сети?

– У нас это происходит на регулярной основе. Много проектов, вы понимаете. Под каждый собирается команда на временной основе, и им предоставляется распределенный доступ.

– За последний год, сколько новых проектов было, и сколько человек получило доступ в вашу сеть?

– У нас было семь проектов, – на следующем куске видео у сидхе в руках появился планшет. – Но все люди, которые задействованы, уже работали с нами раньше.

Может, он врет? Внешних признаков нет, но мне все равно что-то не нравится. Хотя очень похоже на правду. Может, я в самом деле просто чокнутый параноик?

– Менялись ли у вас системные администраторы или контракты с охранными компаниями?

– Нет, все по-прежнему.

– Есть ли связь между инфраструктурой фонда и каким-нибудь вашими другими организациями?

– Я не являюсь владельцем никаких других организаций. Возможно, Элснер может что-то сказать на этот счет? У нее

пара фирм.

– А как насчет «Трек-Аваланш»?

Следует пауза, несколько более длительная, чем в предыдущие разы, мы все трое даже успеваем поиграть в гляделки, делая друг другу страшные глаза.

– Вы хорошо осведомлены. Боюсь, если я буду отпираться, вы сочтете меня записным лгуном и поставите на контроль. В рамках... установления доверительных отношений, могу сказать, что «Трек-Аваланш» иногда подхватывает те проблемы, которые мы сами в рамках фонда не можем оперативно решить. Но это отдельная компания, не имеющая пересечений ни по персоналу, ни по системам безопасности. Им передаются готовые документы для обработки, или конкретные задания, но они не включены в документооборот или что-то такое.

Врет-не врёт?

Скорее, нет.

– Спасибо за откровенность, – поблагодарил Кин, демонстративно делая пометки на планшете. – С учетом вашего... участия в совладении такой значимой транспортной империи, однако, вынужден спросить – в чем для вас была выгода в организации фонда?

– Это была комплексная причина. Политическая, социальная, моральная. Вы же представляете, насколько юным, неокрепшим и... маленьким выглядит Созвездие по сравнению с Альянсом, с СОНМом, с Империей. Наша сила – в

общей мечте и тех защитных системах, которые породил гений Тиры. Мы все верим в него, поддерживаем его и делаем все, что в наших силах, чтобы помочь стать реальностью той прекрасной идее, которую он нам всем показал. Идее справедливого мира, управляемого разумом. И люди – наша смелая, наше продолжение – это то, что нам нужно больше всего. Молодые, талантливые, преданные Созвездию. Их надо... воспитывать. Понимаете? Мы в самом деле хотим им самого лучшего, хотим для них светлого будущего – того, которое они построят в Созвездии. Именно с этой идеей я пришел к Тиру, и он одобрил и поддержал ее – и меня.

– То есть, ваш фонд занимается... выращиванием кадров для Созвездия?

– Именно. Вы можете обвинить нас в том, что мы привлекаем средства граждан Альянса для того, чтобы улучшить положение своей страны, но это здоровый эгоизм, больше ничего.

– И как с этим согласуется регистрация на заштатной планете, но при этом – офис на Аваллоне?

– На Квилай упрощенные формы отчетности и оформления опеки, – коротко ответил сидхе.

Выслушав ответ, Кин некоторое время сидел молча, не включая запись, переваривая полученные сведения, и потом вернулся к основным вопросам, видимо, решив не развивать тему.

– Вы передали информацию по всем людям, имевшим до-

ступ к вашей системе, оперативной группе?

– Да, насколько я знаю, эти данные даже уже передали вашей стороне. Как я уже сказал, Тир велел нам всем говорить правду и содействовать.

– Я так понимаю, не все этим довольны.

– Конечно. Если бы нас всех всем устраивал Альянс, мы бы не пытались поднять на своих плечах Созвездие, разве не так?

– Когда Вы узнали о ситуации с деньгами и от кого?

– Мне сказала Элснер, когда узнала. Потом со мной связались из администрации и сообщили о приостановке операций. Это, как вы понимаете, тоже не слишком способствует всеобщей любви и желанию содействовать. У нас куча дел сейчас просто висит в воздухе, пока на счетах болтаются эти краденные деньги, и всюду рыщут оперативники.

– Мы сделаем все, чтобы завершить расследование в кратчайшие сроки. Возможно, нам потребуются еще раз побеседовать с вами после того, как мы изучим все документы.

– Звоните, – взмахнул рукой он. Планшета у него уже снова нет. – До связи, господа.

– Я одного не понимаю – если они в самом деле организовали эту кражу, то какого хрена они не вывели деньги вовремя? – демонстративно не понимаю я, когда мы заканчиваем и этот звонок.

– Может, они надеялись на «личную дружбу с Тиром» своего этого ло-Лланнренна, – Дип пожала плечами. – И совер-

шенно не ожидали, что в дело вмешается еще и «спаситель Тира», против которого дипмиссии запрещено и слово поперек сказать.

– По-моему, «Дип-миссия», ты преувеличиваешь мою значимость.

– А я считаю, что вполне возможно, что нет. И ты до конца не осознаешь, какие условия им можешь ставить.

– Спасение спасением, – я пытаюсь свести концы с концами и от этого тру шрам на щеке, словно бы это была волшебная лампа, из которой можно выдрать решение. – Но никто там не станет делать то, что не выгодно, просто потому, что я попросил.

– Зато нам начали отдавать статистику, собранную при проверке счетов, – сказала Дип, возвращаясь к своему терминалу. – Они были созданы не позднее, чем пять месяцев назад, и не раньше, чем четыре месяца назад, даты отличаются немного в разных банках, которые уже проверили, но это примерно тот период.

– Данные с фонда нам передали?

– В процессе.

– Сравни с тем, какие они проекты в это время делали, и какие люди к ним были подключены.

– И кто-нибудь уже мне проверит «Соджорн»? – встречаю я.

– Да что тебе сдался этот «Соджорн», – отмахнулся от меня Кин. – Лучше расскажи, что думаешь про нашего ло-Лан-

хрена.

– Лланнренна, – педантично поправила Дип.

– Я почти уверен, что он говорил правду. Или ту версию, которую сам готов считать правдой, – добавляю я, подумав. – Однако, мне вот что показалось: у них у всех были сгенерированные обои сзади, а не реальное окружение.

– И о чем это нам говорит?

– О том, что надо запросить оперативную группу в Созвездии об окончательной точке принятия нашего сигнала.

– Да зачем это?

– Может, это ничего и не значит, – соглашаюсь я. – А, может, это даст нам какую-то ниточку и зацепку. Потому что я считаю, что все они были в этот момент в одном месте, скорее всего, присутствовали все при всех разговорах, что крайне не рекомендуется, и не сочли нужным об этом сообщить. Это уже считается за подлог. Кроме того, в этом случае они сознательно выстраивали беседы определенным образом, чтобы создать у нас то или иное впечатление. Например, что Хастингса допрашивать бесполезно, а Горун – неприятно, и стоит все серьезные вопросы адресовать самому вменяемому – Лланнренну. А он, как раз, скорее всего, лучше всех умеет манипулировать информацией. Это все пришить им и в чем-то обвинить не получится, но зато позволит определиться, так сказать, с основным параметром.

– Это с каким? – с подозрением уточнил Кин, а Дипика закатила глаза, не отрываясь от каких-то таблиц. Во имя ее

и своего спокойствия я искренне надеялся, что это, наконец, «Соджорн».

– Конечно же, с запахом крысы, – резюмировала она. – Разве не ясно? У него же пунтик. Возможно, он у нас – кот-оборотень?

– А, может, просто психованный? – в тон ей предположил Кин. – Ладно, это, по крайней мере, полезно. Никто так не вцепляется в детали, как Иль, и никто не трясет людей за эти детали так, как он.

– Как-то много деталей, за которые не получается тянуть. Но я уверен, что заявленная социальная миссия у Фонда в самом деле есть, хоть и, скорее всего, как ни прискорбно, они все-таки ставят опыты на детях. Обычно такие вещи взаимосвязаны. Меньшее зло во имя большого добра или общей выгоды, и все такое.

– Ну, по крайней мере, эти дети выживают, – сказала Дип. – Тут у меня отчеты по их выпускникам, не от них, от министерства просвещения и науки, и от социального департамента. В общем, сколько детей приняли, столько, грубо говоря, и выпустили в мир. Их первый проект начался пятнадцать лет назад, так что результатов достаточно для выводов.

– И все выпустились гениями?

– Не гениями, но все получили профессию, работают по распределению. Все нормально.

– Ну, хотя бы не убивают, – философски заключил Кин. – Дети все оттуда, из Созвездия?

– Оттуда и с независимых планет, но тут есть корреляция проектов вне Созвездия и поступления принятых под опеку с этих планет. Я думаю, тут все чисто, несмотря на Илевы подозревашки.

– А возил детей, конечно, «Трек-Аваланш».

– Ну, – Дип некоторое время тянет это «у», даже начиная какую-то мелодию на этой букве. – Нуууу, вроде бы да.

Я не удовлетворен. Было бы куда интересней, если бы этих детей пускали на органы, или что-то такое. Но, с другой стороны, по крайней мере, стоит порадоваться за детей, которым, наверное, в самом деле повезло.

– Можешь сделать сводку, на каких планетах они копошились? – прошу я.

– Да, сейчас. Все никак не успокоишься?

– Искать, пока не найдешь – разве не это девиз любого следователя, любого выпускающего эксперта и любого налогового инспектора?

– Только вот ты не первое, не второе и не третье.

– Недосмотр, – соглашаюсь я и кривляюсь. – Дяденька, а возьмите на работу следователем!

– Иди отсюда, мальчик, – добродушно ответил мне Кин. – Переваривай там свои подозрения и своих крыс и возвращайся завтра с нормальными идеями.

– А мне кто-нибудь «Соджорн» проверит до завтра?

– «Кто-нибудь» тебе его проверит до сегодня. Достал! – пообещала Дип.

– Слова твои – пустые обещанья, – цитирую я классику.

– И твои тоже? Кто мне песню обещал написать?

– Все, все, понял, ухожу, – тут же сворачиваю наезды я, потому что, конечно же, ни до какой музыки вчера не добрался.

Глава 3. Work Work

Несмотря на всю смешную мышиную возню, дело, как ни прискорбно, все еще не двигается с места, и от этого я чувствую себя лохом.

Это в некотором роде прекрасное чувство, и я его даже очень люблю: оно напоминает и прямо в нос тыкает, что я еще не достиг ни дзена, ни иного совершенства, и мне еще надо немного пожить и посозреть дальше. А то очень легко, знаете ли, решить, что владеешь всем и все тебе подвластно.

В целях этого самого самосовершенствования, утро в Управлении я начинаю с рисования на доске. Я отвратительно рисую – это то самое место, где на солнце у меня пятна. Я не способен нарисовать ничего сложнее, чем палка-палка-огуречик, но зато эти палки, палки и огуречики прекрасно подходят для того, чтобы расчеркивать огромные поверхности просторными простынями схем взаимосвязей и зависимостей.

Дип с интересом смотрит на меня поверх своего стакана с традиционным номером два, но не вмешивается, для начала, наблюдая за появлением на доске импрессионистских подобию банок с газировкой.

– Я вот каждый раз рисую банк и думаю, это похоже на банк? – интересуюсь я вслух, пытаюсь с помощью телекинеза

удержать маркер и нарисовать очередную «банку» там, куда не доставал рукой.

– Даже не надейся, – сказал Кин, выглядывая из своего кабинета. – Но мы все равно пойдем.

– В общем, это банки. А вот это, конкретно, «Фаради» с их закрытым клубом. Вопрос: где «Соджорн»?

– У тебя на терминале, – с неподдельным удовольствием ответила Дип. Она выглядела при этом такой самодовольной, что я немедленно начинаю подозревать, что поиск за нее выполнял кто-то другой.

– Спасибо, – имею совесть сказать я. – Очень мило с твоей стороны все-таки выполнить мою просьбу.

– Читать-то будешь, или на слово поверишь?

– Буду. Но попозже, – я продолжаю свои художественные изыски, расцвечивая вопросительными знаками личность хакера, заказчика, исходной точки взлома и конечной точки предполагаемого вывода денег. – История без конца и без начала, и в середине что-то непонятное натыкано.

– Хорошие новости: установили почти все пути следования денег, – прокомментировал Кинслеер. – Плохие новости: некоторые операции вызывают сомнения. В семи местах на разных суммах до сорока девяти тысяч кредитов произошло дублирование платежей, предназначенных для микрофинансовых организаций. И от них уже вышло по одному платежу в нужном направлении на следующее звено. А «потерянные» деньги возникают совсем из других таких же од-

нодневных контор на предпоследнем звене.

Я дополняю этими сведениями свой пейзаж.

– Конечно, это все проверяют.

– Конечно. Но Тир считает совпадения достаточными, чтобы вернуть нам все деньги. Он отдал распоряжение начать возврат, но напрямую банкам, в соответствии с теми распределениями сумм, которые у них были изъяты, а не по всему пути обратным ходом.

– Это, наверное, хорошо, – говорю я, но при этом рисую жирный минус напротив фонда.

– Что тебе не нравится?

– То, что фонд, таким образом, освободиться от необходимости отвечать на наши вопросы. Когда там это все должно произойти?

– Максимум, завтра-послезавтра, – пожал плечами Кин. – Ты все еще думаешь, что фонд может быть заказчиком?

– Нет, просто они мне все еще не нравятся, – я рисую стрелочку от фонда к хакеру и обозначаю ее еще одним вопросительным знаком.

– Кроме того, проверяют по бекапам все изменения в системах Центрального узла на тот период, когда создавались подставные счета, плюс минус месяц.

Я киваю и рисую вокруг Центрального узла окружность с вопросиками. Это все верно, но Кин это и без того знает – опыт аналитики и расследований у него куда больше моего. На самом деле, я не всегда понимаю, зачем я вообще тут ну-

жен – кроме того, конечно, что у меня исключительно светлая голова, которую можно пристроить практически к любому делу.

Я рисую рядом с «Детьми науки» огуречик с «Трек-Аваланш» и думаю, не знаю ли я случайно чего-то инкриминирующего про них. Но, вроде, нет. Кроме того, что они яростно соперничают с Альянсовской «Атенрей» – ничего. Хотя, может, компромат есть у их соперников?

Я делаю пометку на доске, отправляю сообщение одному из своих «консультантов консультанта» и думаю, что они все как-то слишком расслабились. У меня уйма вопросов, и все еще ни одного ответа за столько времени.

– Закончил рисовать?

– Нет, а что? – я прослеживаю взглядом все нарисованные взаимосвязи и выписанные столбиками коррелирующие факты.

– Я хочу, чтобы ты присутствовал на одной беседе.

– О, мы кого-то арестовали?

– Нет. Полиция привезла нам своего осведомителя из кибер-тусовки, и надо с ним пообщаться.

Понятно – видимо, я требуюсь в качестве портативного детектора лжи.

– Не надо так кривиться, – Кин, проходя мимо, хлопнул меня по плечу. – Если бы мне просто был нужен телепат, я бы запросил телепата, который приписан к Министерству. Но проблема вот в чем – тебе и твоему суждению я доверяю,

а вот всяким левым мальчикам, которым бы только время отсидеть, не очень. Так что, идем.

– И кто из нас после этого телепат? – выгибаю бровь я.

– У меня просто большой опыт, – хмыкнул в ответ Кин. – И я уже успел тебя изучить. Сколько мы уже работаем вместе? Полгода?

– Чуть меньше.

– А кажется, что ты тут всегда был и действовал на нервы окружающим. Надо сказать, что это у тебя отлично получается.

– Что же, ради этого стоит держать меня на службе, – хмыкаю я и следую за ним в комнату для допросов.

Осведомителем оказался совсем молодой парень, едва вышедший из подросткового возраста, явно много уделяющий внимания своей внешности: с модной стрижкой и в каких-то чумовых штанах. Было очень хорошо заметно, насколько ему неуютно и боязно, но он явно храбрился.

– Что за херня? – с деланной наглостью выпалил он, как только мы открыли дверь в комнату. Видимо, он долго репетировал про себя, чтобы показаться таким отважным и дерзким. – Я не подписывался, чтоб меня хватали и перли сюда, как мешок с дерьмом! Мы с парнями о другом терли, в натуре!

– Милый ребенок, а может, ты и есть мешок с дерьмом? – почти ласково уточнил Кин, а я, подыгрывая, легонько подтолкнул телекинезом парня обратно к стулу.

Без усилителя не могу никого всерьез сдвинуть или толкнуть, но на небольшое усилие, чтобы впечатлить непосвященных, меня хватает.

Парень осекся и перевел взгляд с меня на Кина и обратно.

– Да вы очумели все тут, что ли? Думаете, если министерские, то крутые, что ли? Все при блате?

– Успокойся, – попросил Кин. – Сядь. Мы поговорим, и ты спокойно пойдешь домой, или куда там тебе надо.

– Ты, чувак, охреневший вконец, – продолжил разоряться парень, но сел, потому что не собирался на самом деле вступить в конфронтацию с нами, просто показушничал и набивал себе цену. – Задавайте свои вопросы тупые и надейтесь, что за то, как вы со мной тут обращаетесь, вас не доломают тут вконец. И так весь Альянс ржет, как пацаны ломанули Центр, будут и над вами ржать.

– Собственно, вот и вопрос, – Кин уселся за стол напротив парня, а я остаюсь сбоку, у стены. – Какие именно парни «ломанули» Центральный узел?

– Да кто-то из наших.

– А поточнее?

– Говорю же, из наших кто-то.

– Имена, хотя бы ники.

– Да чего ты привязался, чувак? Не скажу я. Это получается, что я на своего стукану, что ли?

– А если не скажешь, я тебя закрою. Без твоей любимой сети на годика три за противодействие следствию в условиях

угрозы национальной безопасности.

– Чувак, я не соглашался своих сдавать, вот что, – продолжил быковать парень, но я четко ощущаю, что ему панически страшно. Его только толкни немного – полетит, сверкая задницей, вверх по лестнице, ведущей вниз.

– Ты ведь не знаешь сам, да? – спрашиваю я, складывая руки на груди. – Просто не знаешь. Поэтому и сказать не можешь. Давай, признай это, и иди домой, менять штанишки.

– Чувак, ты на меня не наезжай! Что я знаю, то знаю, а будете так наруливать, так я больше ваще ничего не скажу, и колупайтесь сами как хотите, и все мурло ваше тоже. Никаких новостей с нашего фронта, ни-че-го вам, вот так!

– А за квартиру ты чем платить будешь, если перестанешь получать помощь от наших общих друзей? – весело шурюсь я. – Давай договоримся. Мы примем как факт, что ты не знаешь точно, кто именно ломанул Центральный узел, а ты по-дружески поделишься с нами своими подозрениями, кто такой дерзкий мог поставить под угрозу все ваше сообщество, потому что чуть что – и арестуют поголовно всех. Всех, понимаешь? Директива 22, слышал про такую? Всех поймают, оформят и будут допрашивать с телепатами, и, я уверен, каждого найдется за что закрыть.

– Не надо так, слышь, – предупредил парень, явно встревоженный. И он, и я понимаем, что такой рейд позволит отловить только мелкую сошку, но он-то, скорей всего, только с такими и общается.

– Думаешь, кому-то из вашей высшей лиги до тебя дело есть? До того, закроют тебя или нет?

Он думает пару лихорадочных минут, и я почти слышу течение его мыслей, ради ускорения процесса подкидывая ему панических настроений вокруг. Он впитывает их, становясь все более нервным с каждым мгновением.

– Да мало кто так может, – сдался, наконец, он. – Но могут. Говорят, Ларри давно какой-то важный сервак бомбанул, он мог. Таких, как он еще разве что Кода и Свифт. И все. Только это, не просите меня их вам прям на руки сдать. Я их сам не знаю. Про них только слухи ходят, ну и в паре чатов можно пересечься.

– Напиши адреса чатов, – подвинул ему планшет Кин, все это время терпеливо ждавший, пока я жму парню на разные кнопки.

– Они в Сумсети все, – скривился парень с деловым видом, но набрал что-то на виртуальной клавиатуре. – В Сумсеть уж сами придумывайте как зайти.

– Ты за нас не переживай, – хмыкнул Кин. – За себя лучше переживай.

Удивительно. Поразительно. И невероятно, о чем я сообщаю Кину, как только мы вышли из комнаты допросов.

– И в чем же невероятность?

– Это наша первая зацепка в этом деле, которую мы можем в самом деле размотать и даже без значительных усилий, – поясняю я, продолжая переписку через комм.

– Пояснишь?

– Мне только что выдали адрес первого из названных, с условием, что мы не будем натравливать на него спецназ и все такое. В общем, нам разрешено «просто поговорить». Ты со мной или Дип, или оба?

– Может, поедем я и Дип, а ты останешься на хозяйстве? – невинно предложил Кин и рассмеялся, оценив мою недовольную гримасу. – Ладно, ладно. Мы с тобой поедем. Тебя от скучных дежурств на месте спасает только то, что не все наши контрагенты готовы иметь дело со внештатным сотрудником.

– Нет, – не соглашаюсь я. – Меня спасает то, что многие другие контрагенты не готовы иметь дело как раз со штатными.

– И это тоже. И, собственно, каким боком ты умудрился так быстро разжиться адресом?

– Это длинная, но удачно сокращаемая и поучительная история. Один из моих друзей – нелегальный мигрант, и Ларри делал ему документы. Я запомнил это имя по его рассказам, вот и все.

– Откуда у тебя друзья – нелегальные мигранты?

– У меня много всяких друзей, – пожимаю плечами я. – Есть целых два профи-музыканта, один из которых – звезда первой величины, любимец стареющих дам. Крутой хирург. Злой колдун-фейри. Два злых колдуна-фейри, так и быть. Художник-карикатурист. Король в отставке. Руково-

датель военной базы. Аналитик с сиськами. Финансовый гений. Наемница-диса. Космический пират. Думаю, нелегальный мигрант тут – самое безобидное.

Кин вопросительно на меня посмотрел, поднимая брови по очереди с таким оттягом, словно их у него было штук тридцать, а не всего лишь две.

– Ты забыл упомянуть серого кардинала Альянса и главного идола Созвездия.

– Мы же говорили о друзьях, – пожимаю плечами я, но поясняю, все-таки. – Бен был медбратом и возился со мной после Тир-Нан-Ога. Я был, скажем так, не в лучшей форме, когда нас с Тиром, наконец, извлекли оттуда. Никому не было дело, мигрант Бен или нет, коль скоро он мог вытерпеть мой дурной нрав, летящие во все стороны стулья и прочие верные приметы сходящего с ума телепата.

– Что ж, хорошо, что ты прекратил кидаться стульями.

– Я просто не делаю этого на публике, – зубасто поясняю я.

Как я уже и говорил, «нормальность» в моей семье – понятие достаточно шаткое.

– Меня Бен научил, что надо делать это только тайком. Чтобы никто не знал, откуда в него прилетел Стул Финальной Расплаты.

– Да вы с Беном опасные люди, – хмыкнул Кин. – Надо быть с вами осторожней.

– Бен вообще суперопасный, – подтверждаю я с огромным

удовольствием.

Я люблю их всех – всю свою пачку совершенно безумных, невероятно верных и разномастных друзей, и могу почти часами разглагольствовать о том, насколько они все прекрасны.

– Его суперопасность не распространяется на то, что он мог дать тебе неверный адрес, или предупредить своего приятеля, или заманить нас в засаду?

– Предупредить Ларри – мог, но даже если предупредил, то сказал, что придут от него.

– То есть, уровень доверия достигает таких высот.

– У нас так принято.

– У нас тоже.

– В общем-то, я именно это и имею ввиду.

Квартира Ларри расположена в максимально трущобном районе. Какие-то закоулки, улицы без названий, дома без номеров. Форменное безобразие, которое не понятно как существует в современной, светлой и уютной Тайрене. Кин, глядя на это, нахмурился, словно вид старых обшарпанных домов навеял ему тяжелые воспоминания.

– Мы ненадолго, надеюсь, – пытаюсь вскользь подбодрить его я, пока мы в переплетениях проулков пытаемся найти нужное здание по указанным Беном ориентирам.

Он хмуро глянул на меня.

– Я не знал, что тут еще остались старые районы. Кажется, все перестроили.

– Видимо, недоперестроили. Им, наверное, лет триста.

– Немного больше, – Кин осторожно обошел провал в мостовой, покрытой разбитым и проросшим асфальтом вместо уплотненной грунтовой смеси, которую в основном используют сейчас. Провал, видимо, не так давно засыпали щебнем, но камней почти не осталось – остается только догадываться, кому они потребовались. – Куда только муниципалитет смотрит.

– Видимо, поверх настоящего – в светлое будущее, – говорю я. Немного сумрака, и местный пейзаж подошел бы для мрачного фильма. Изрисованные стены с выпавшими кусками штукатурки, забитые листьями окна, опущенные плотные ставни – все это могло бы хорошо метафорически передать мрачное умонастроение какого-нибудь крутого парня.

– Где там этот дом уже?

– Направо сейчас, вроде бы, и вперед немного.

– Быстрее давай, – поторопил меня Кин.

Он явно переживает больше, чем я замечал за ним за все время нашего знакомства, и причиной тому явно не Ларри.

– Все эти чокнутые хакеры, что ли, живут в странных норах?

– А ты много хакеров видел?

– Доводилось, – после паузы ответил Кин. – Да, ты прав, тут ключевое слово «чокнутый», а не «хакер». Что ты вообще знаешь про этого Ларри?

– Примерно то, что там сказал тот парень. Ларри промыш-

ляет поддельными документами любой сложности. Это его основной способ дохода и специализация. С учетом всего, это означает, что он нашел или сам создал уязвимость в системе Министерства социальной политики и творит там, что хочет. С этой точки зрения предположение о том, что он мог влезть и в Центральный узел, не лишено оснований. Но я, вообще-то, думаю, что это не он.

– Вот так, заранее?

– Бен его знает намного лучше, и уверен, что Ларри не стал бы лезть в такую опасную авантюру. Его, знаешь, и обычные дела неплохо кормят. Его услуги стоят недешево, потому что документы получаются достаточно настоящие, чтобы спокойно устроиться на работу, получать пособие или получить лечение. Подлог может вскрыться только если, например, обнаглеть и пройти на собеседование в Министерство.

– Но, надо полагать, его клиенты не сильно наглеют.

– Конечно. Они обычно просто жить хотят, желательно, в Альянсе, где хоть какие-никакие, а гарантии есть, и медицина получше, чем в особо медвежьих углах.

– Ладно. Но если этот Ларри все-таки «наш» хакер, я хочу об этом знать. Не прикрывай его, по крайней мере, не передо мной.

– Ты – босс, – спокойно отвечаю я.

Мы прибыли, наконец.

Позвонили в порезанную ножом дверь без номера, и она

почти сразу открылась, словно нас старательно ждали.

– Ну? – молодой парень в мятой майке и спортивных леггинсах, которые совсем не подходят к его объемным ногам, почесал пузо и посмотрел на нас, как на тараканов.

– Мы от Бена. Хотим поговорить про одно дело с тобой, как с экспертом.

– Сто раз говорил Бену языком не трепать, а толку? – проворчал парень, но, помешкав, с неохотой пропустил нас внутрь.

Вопреки первому впечатлению, в квартире достаточно уютно, хоть и захламлено, и пахнет, почему-то, пирогами.

Пироги, собственно, больше всего привлекают мое внимание в комнате, в которую мы проходим вслед за Ларри. Большое блюдо с румяным, ароматным печевом стоит ровно посреди стола, на котором в беспорядке разложены детали трехмерного принтера. Второй такой принтер пытит в углу, что-то собирая, и мы с Кином дружно отворачиваемся, потому что подозреваем, что речь идет о нарушении закона прямо на наших глазах. И если я могу еще пропустить такое мимо себя, то Кину пришлось бы что-то делать, а информация, кажется, нас сейчас волнует больше.

– Ну, чего вам там? Пироги берите, если хотите, это мне тут принесли. Поклонники, – он хохотнул, весьма довольный удачно подобранным словом.

– Что ты знаешь о взломе десяти ведущих банков Альянса?

– Вот что прям так? – подивился он. – А как же регалиями потрясти?

– А что, они имеют значение? – щурюсь я. – Я Иль Гиллернхорн.

– «Иль-мать-его-Гиллернхорн», – прокомментировал хакер. – Знаю, конечно.

– Но соблюдаешь процедуру?

– Что-то вроде. Почему у тебя свидетельство о рождении выдано почти спустя год после рождения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.